

Станкевич И.Л.

Первобытное мифологическое мировоззрение и культовая практика

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/2144>]

[Публикация работы:]

Станкевич И.Л. 1994: Первобытное мифологическое мировоззрение и культовая практика. Ярославль.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

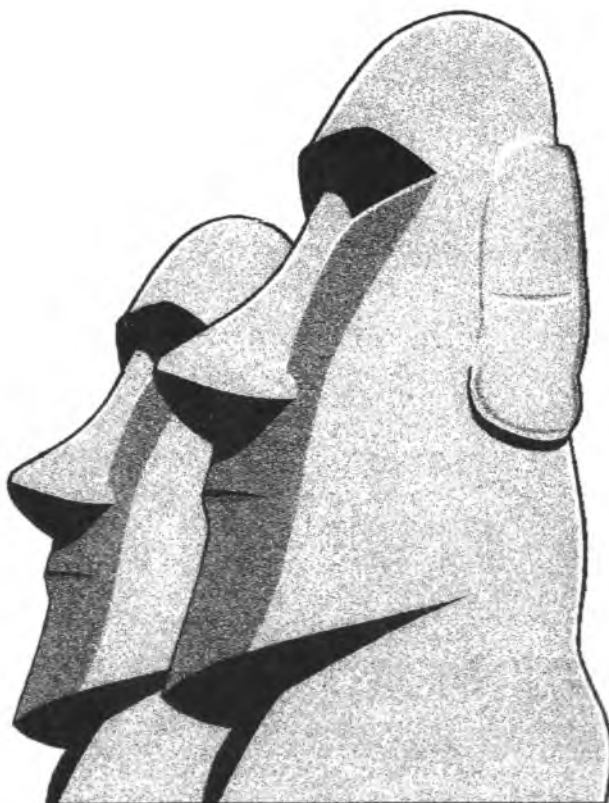
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

И. Л. Станкевич

ПЕРВОБЫТНОЕ МИФОЛОГИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И КУЛЬТОВАЯ ПРАКТИКА

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ
Ярославский государственный университет**

И. Л. Станкевич

**ПЕРВОБЫТНОЕ МИФОЛОГИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ
И КУЛЬТОВАЯ ПРАКТИКА**

Текст лекций

Ярославль 1994

Э32 я 73

С 76

Текст лекций посвящен описанию особенностей первобытного мировосприятия, коллективных представлений. Анализируются также сущность и виды магии, умиротворяющих обрядов, шаманизма. Знакомство с мировоззрением и культовой практикой наших предков позволяет лучше понять ряд черт в развитых религиозных системах, найти истоки некоторых явлений современной массовой психологии.

Предназначен для студентов исторических факультетов университетов и педагогических институтов, а также для всех читателей, интересующихся историей религии и духовной культуры.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Ярославского государственного университета

Р е ц е н з е н т ы: кафедра архитектуры Ярославского политехнического института; доктор исторических наук Е.В. Антонова

ISBN 5-230-18272-5

© Ярославский
государственный
университет, 1994
© И.Л. Станкевич

Л е к ц и я 1. ПЕРВОБЫТНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ: ВОСПРИЯТИЕ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ. РОЛЬ ПРАЗДНИКОВ В ПЕРВОБЫТНОМ ОБЩЕСТВЕ

На земном шаре нет ни одного народа, у которого не было бы тех или иных форм религиозных верований. Роль религии в истории человечества чрезвычайно велика. Религия всегда в определенной степени регулировала общественные отношения. Она служила одним из путей передачи традиций и опыта от поколения к поколению, выступала как один из способов общения между людьми. И, пожалуй, особенно важно, что религия психологически восполняла недостаток человеческих сил и умений противостоять как природе, так и негативным общественным явлениям. Конечно, это не означает, что религии имеют исключительно позитивный характер. Существовали и до сих пор существуют некоторые изуверские формы культа, приводящие своих последователей к физическим и моральным травмам. Отрицательно воздействует на общество религиозный фанатизм, религиозная нетерпимость. Наконец, далеко не всегда религия утверждала нормы высокой нравственности. Признавая свободу совести, следует, безусловно, признавать не только право личности исповедовать различные религии (за исключением антиобщественных изуверских форм), но и право быть атеистом.

Нельзя также допускать навязывания какой-то одной формы религии в обществе. Кстати, такое навязывание вредит и самой религии: оно обычно влечет за собой крах или во всяком случае упадок навязываемой веры. Примером может быть и ситуация с государственной православной церковью в России в начале XX века. Другим примером может быть крушение веры в "светлое коммунистическое будущее" - веры, по сути своей, религиозной.

Насколько можно судить по археологическим, этнографическим, лингвистическим, психологическим и другим данным, религиозные воззрения зародились в глубочайшей древности. Однако была ли религия изначально свойственна человечеству или же появилась в человеческом обществе не сразу, после длительного развития?

Для верующих этот вопрос - вопрос о возникновении религии - решается однозначно просто: религия была дана людям божеством. Так, среди христиан распространено представление, что Бог в начале времен дал людям истинное знание (откровение) о том, что Он

существует и что других богов нет. Однако после описанного в Библии грехопадения человечество исказило эту истину, забыло ее и начало поклоняться различным фантастическим существам. При этом полубытые истины либо самостоятельно искажались людьми, либо извращались ими под воздействием злых сверхъестественных сил. И лишь постепенно человечество вновь обретает истинное знание о едином Боге, * Боге - творце всего сущего. Это - концепция прамотеизма ; пример проповедника ее можно найти в лице отца Александра Меня.

Что же касается атеистов, то они рассматривают возникновение религиозных верований как естественный процесс, вызванный к жизни особенностями формирующегося мировоззрения.

Мировоззрение - это не просто сумма сведений о мире в целом, а система взглядов, определяющая роль и место человека в мире, "вписывающая" человека в мир. Она дает те исходные ориентиры, которые обуславливают в конечном счете программу социального поведения человека. Потребность в такой системе взглядов, видимо, возникла вместе с возникновением человеческого общества. Тип и форма мировоззрения изменялись с развитием этого общества.

Усилиями многих исследователей* выяснено, что в первобытном обществе мировоззрение выступает продуктом не индивидуального сознания, а коллективных представлений. Коллективные представления отличаются от индивидуальных и не являются их простой суммой. Они формируются так, как, скажем, язык или фольклор: коллектив что-то принимает и передает следующим поколениям, а что-то отвергает. Хотя эти представления сохраняются в умах отдельных людей, но при этом они обладают значительной степенью независимости от мышления индивидуальной личности. Накапливаясь в каждом коллективе, они передаются от поколения к поколению как непререкаемые истины, как аксиомы.

Наряду с рациональными сведениями, в коллективных представлениях накапливается много ошибочных, ложных, нерациональных. Это вызвано ограниченностью практики первобытных коллективов, а также слабой развитостью первобытного сознания. По мнению психологов, первобытное сознание характеризуется такими чертами, как неотчетливое разделение

* В публикуемый курс лекций не включены проблемы историографии. Они рассматриваются в особой части курса.

субъекта и объекта, материального и идеального, предмета и его обозначения, вещи и слова, существа и его имени, вещи и ее атрибутов, единичного и множественного.

Эмоциональная возбудимость и недостаточное понимание логической (в современном смысле слова) связи между событиями приводят к тому, что при столкновении с чем-то непонятным, новым, а потому обычно пугающим, на первый план для объяснения этого нового выходят коллективные представления. Прилагаются они в качестве объяснения чаще всего неправильно, но зато удовлетворяется потребность людей понять пугающие явления. Сфера действия коллективных представлений в основном касается той части жизни людей, которая требует не автоматического следования усвоенным навыкам и привычкам, а осмысления окружающей среды. Вообще существует тенденция первобытного сознания обозначать одно понятие через другое: новое - через старое, неизвестное - через известное. Еще раз подчеркнем, что это приводит к психологическому снятию чувства опасности по отношению к неизведанному. Но в то же время это служит и источником многих совершенно ложных, фантастических представлений, накапливающихся в обществе.

Именно здесь кроются корни возникновения действительно религиозных воззрений, т.е. воззрений, связанных с верой в сверхъестественное. Первоначально же первобытное мировоззрение, по нашему мнению, не может считаться религиозным. Оно содержит массу неверных, ложных, нерациональных сведений, однако в нем нет и не может еще быть деления на естественное и сверхъестественное. Речь идет не о "стихийном материализме", как это утверждали многие религиоведы в нашей стране, а о нерасчлененности первобытного сознания.

Нужно учитывать также неразрывность связи между сознанием и действием в первобытности, а соответственно между представлениями и ритуалом. По-видимому, ставить вопрос о первичности того или другого равносильно знаменитому вопросу о первичности яйца или курицы.

Человеческому разуму свойственно стремление упорядочивать, классифицировать окружающий мир. Это в полной мере касается и эпохи первобытности. В то же время известно, что понятия зарождаются в человеческом сознании парами. Не могло возникнуть понятие о темном, если бы параллельно ему не возникло понятие о светлом, и так далее. В коллективных представлениях вся окружающая действительность подвергается классификации и при

этом разлагается на элементы. Из них наиболее простые объединяются именно попарно, по признаку противопоставления. Это так называемые бинарные оппозиции (двойственные противопоставления): светлый-темный, наш-чужой, мужской-женский, активный-пассивный, зрячий-незрячий, вареный-сырой, живой-мертвый, правый-левый, добрый-злой и т.д. Они увязываются, коррелируют между собой. Одна из особенностей бинарных оппозиций - в том, что они могут приобретать и очень часто приобретают качественную характеристику, т.е. оцениваются. Одна часть оппозиции считается хорошей, положительной, и соответственно другая - плохой, отрицательной. Для примера возьмем противопоставление "правый-левый". Функциональная асимметрия человеческого мозга создает биологические предпосылки для праворукости (известно, что праворукость была уже у австралопитеков). Эта "биологическая" праворукость затем закрепляется в культуре. Но культурные установки не только поддерживают праворукость, а и основываются на ней. И у многих народов правое приобретает положительные свойства, ассоциируется с правильным, правотой, правдой, а левое - отрицательное и ассоциируется с неправильным, неправотой, ложью. Отсюда, кстати, уходящие в глубокое прошлое, но дошедшие до нас многие особенности ритуального и этикетного поведения: например, то, что начинать движение надо с правой стороны или ноги, а обратное рассматривается как предвестник несчастья ("встать с левой ноги").

Огромное значение в коллективных представлениях занимало фундаментальное противопоставление "наш-чужой". Оно могло реализоваться в различных вариациях. Обобщая их, можно сказать, что "нашим" считалось все освоенное данным человеческим коллективом, а понимая шире - принадлежащее культуре, "чужим" же - все неосвоенное, принадлежащее другим коллективам, в наиболее широком смысле - природе. Таким образом, это и противопоставление культурного природному, и противопоставление принадлежащему разным человеческим общностям - этническим группам, социальным и пр. При этом "наши" непременно имеют положительную окраску, "чужие" - отрицательную (правда, в дальнейшей человеческой истории будут встречаться и противоположные оценки, когда все чужое рассматривается как хорошее, а свое - как плохое). Б.Ф. Поршнев предполагал, что противопоставление "наш-чужой" возникло в среде *homo sapiens* по отношению к сосуществовавшим с ними какое-то время

неандертальцам, т.е., по его мнению, как "наши" воспринимались люди современного вида, а как "чужие" - неандертальцы. Однако это утверждение сомнительно, вполне достаточно было для возникновения противопоставления "наш-чужой" осознания себя единым коллективом и противопоставление всему непонятному и чуждому миру, включая и другие коллективы таких же, в сущности, людей.

Именно с противопоставлением "наш-чужой" мы столкнемся, когда будем анализировать особенности восприятия и первобытности пространства.

Итак, двоичная классификация пронизывает архаичные коллективные представления, составляет основу их структуры. Наряду с ней возникает и троичная классификация. Она дополняла и обогащала двоичную модель мира.

Есть предположение, что троичная классификация возникла из распознавания основных цветов: черного, белого и красного. Но возможно, что троичная классификация основывается и на ориентировке в пространстве - на членении пространства на три уровня: верхний, средний и нижний. Элементы троичной классификации также могут приобретать и приобретают качественную оценку. Однако если речь идет о цветах, то эта оценка далеко не однозначна. Вообще-то чаще всего белый цвет оценивается положительно, а черный - отрицательно, но нередко бывает и наоборот; кроме того, могут по-разному противопоставляться черный и красный, красный и белый - словом, каждый из трех цветов в зависимости от конкретной обстановки может ассоциироваться либо с положительными, либо с отрицательными явлениями. Это касается и троичного членения пространства, но чаще всего нижний уровень приобретает отрицательный характер, а верхний - положительный.

Важной особенностью архаичных коллективных представлений было то, что содержащиеся в них отвлеченные идеи выражались в предельно конкретной форме. Как мы уже говорили, для того чтобы понять непонятное, коллективные представления используют (и чаще всего неверно) уже известные сведения. Поскольку людям в первую очередь знакомы они сами, человеческие качества и свойства, то неудивительно, что возникает такое явление, как *антропоморфизация* окружающего мира. Иногда это явление обозначают в науке другими терминами - например, называют аниматизмом (от *animatio* - "оживляю").

Суть антропоморфизма в следующем. На окружающую коллектив среду переносятся черты человеческого общества. Все окружающее

рассматривается как живое. Все полно жизни. Вокруг не немой и глухой к людям мир, а сонм аналогичных людям существ, с такими же, как у человека, свойствами и страстями, и лишь их внешняя оболочка отличается от человеческой.

Способствуют антропоморфизации и следующие факторы. Мы знаем, что практическая деятельность человека нередко приводит к непредсказуемым последствиям. Так, сброшенный с горы камень может повлечь за собой лавину. Непредсказуемость последствий усиливает эмоциональную напряженность в обществе и заставляет искать причину этого, и причина также обнаруживается в человеческих свойствах всего окружающего. Как люди по-разному относятся друг к другу, так и живые существа, скрывающиеся под разными обличьями, могут по-разному относиться к людям. Они то помогают людям, то вредят. Если человек спотыкается о камень, то камень явно "отнесся" к человеку враждебно, тем более если брошенный камень вызвал лавину. А если тот же камень попал человеку под руку, когда надо было защититься от хищника - значит, это добрый камень, он посочувствовал и помог. Так возникают мифы.

Мифы настолько пронизывают жизнь первобытного общества, что мышление, сознание первобытных людей можно назвать мифологичным. И выражение "первобытное мировоззрение" является синонимом выражения "мифологическое мировоззрение".

При анализе мифологического мировоззрения обращает на себя особое внимание то, как в нем воспринимаются пространство и время. Попытаемся разобраться в своеобразии этого восприятия.

Каждый первобытный коллектив, видимо, рассматривал себя как центр окружающего мира. В зависимости от того, какой образ жизни вел данный коллектив - оседлый или бродячий, изменялось и восприятие пространства. У бродячих коллективов, вероятно, преобладало линейное восприятие, т.е. связанное с передвижением: пространство делилось на переднее, заднее, правое, левое. Это накладывалось на наблюдения за солнцем и, таким образом, налагалось на стороны света (например, если коллектив передвигался на север, то понятия "передний" и "северный" в нем воспринимались как синонимы). В оседлых коллективах пространство воспринималось концентрически: территория, занятая данным коллективом, помещалась в центр, а от нее концентрическими окружностями расходились менее знакомые и совсем неизвестные пространства. Однако вряд ли можно резко противопоставлять эти два типа восприятия пространства, ведь даже подвижные коллективы

передвигались по определенной территории, которая ими хорошо осваивалась и потому воспринималась как "наша". По-видимому, у подвижных коллективов линейное восприятие пространства сочеталось с концентрическим. Но и в том и в другом случае важно деление пространства на освоенное и неосвоенное.

Неизведанное пространство - неосвоенное, чужое - приобретает в первобытных коллективных представлениях черты пугающего, священного, сакрального. Поскольку именно это "не наше" пространство является той сферой, куда удаляются и где в основном обитают персонажи мифов, то можно назвать его мифологическим. Итак, пространство в первобытности делится на обыденное, профанное, освоенное, и на сакральное, мифологическое, неосвоенное.

Границы мифологического пространства очень подвижны. Это связано и с реальной деятельностью коллектива (ведь освоенная территория постепенно расширяется), и с представлением о том, что и в окультуренном, нашем, профанном пространстве есть такие точки, в которых происходит встреча его с сакральным. Такие пространства, специально выделенные пункты для общения сакрального мифологического мира с обыденным, профанным, - это святилища. Они связаны с мифами, с какими-то событиями в жизни мифических персонажей. Но такими же "местами встречи" двух пространств считаются пересечения дорог (перекрестки), места захоронений, разнообразные расселины и глубокие пещеры. Углубления различных видов обычно рассматриваются как места общения с нижним мифологическим пространством. Там, где встречались вулканы, жерла кратеров всегда считались путем в нижний мир.

Таковыми же пунктами соприкосновения сакрального и профанного пространств считаются определенные части жилища. Это - очаг, печь, "красный угол", а также обычно центральный столб, поддерживающий крышу. Такой столб рассматривается как символ той вертикальной опоры, которая поддерживает небо в модели мира.

Любая вертикаль может выступать как символ такой опоры и тем самым служить посредником, медиатором между нашим, профанным, и верхним, сакральным, пространствами. Это может быть и вертикально стоящий камень, и столб, и гора (аналог "мировой горы" в модели мира). Но наиболее удобным символом такой вертикали может являться дерево. Уходящее корнями в нижний, а кроной - в верхний мир, оно является чрезвычайно распространенным символом медиатора между профанным и сакральным пространствами. Исследователи выделяют образ "мирового древа" в мифологии как

один из самых популярных элементов разнообразных мифов народов мира.

В аналогичной функции медиатора выступает и река. Поскольку вода в реке течет сверху вниз, распространено представление о том, что истоки реки находятся в верхнем мире, а устье - в нижнем. Вообще нередко считалось, что нижний мир располагается где-то за водной преградой, возможно, на острове, во всяком случае, переправляться в него надо по воде. Это представление прослеживается и в более поздних мифологических сюжетах. Оно связано и с очистительными функциями воды, о чем еще пойдет речь. В то же время отражение в воде - это как бы выступающий зримый облик нижнего мира.

Посредником для достижения верхнего мира является огонь. И это понятно: ведь пламя и дым уходят куда-то кверху, значит, с дымом и огнем можно достигнуть верхнего мифологического пространства.

Вообще точек соприкосновения профанного и сакрального пространств, по первобытным представлениям, много. Коллектив был постоянно озабочен тем, чтобы обезопасить себя от стихийного, непрошеного вторжения сакрального мира, старался упорядочить эти контакты, возвести границы. Для этого служили многие обряды.

В то же время мифологическое пространство - сфера неизведанного - может символизироваться такими природными понятиями, как лес, море, пустыня, горы. Человеческий коллектив даже в наше время, а тем более в первобытности, способен освоить лишь небольшую часть этих природных регионов, поэтому они и выступают как место обитания всего чуждого, неизвестного и воспринимаются с подозрительностью и враждебностью. Вспомним, каким враждебным пространством предстает перед нами лес в русских сказках. Типично обращение героя к избушке Бабы-Яги: "Стань к лесу задом, ко мне передом".

Неизведанное пространство в коллективных представлениях обладает притягательностью. Его боятся, но в то же время им интересуются, и фантазия заселяет его мифологическими существами. Они, по сути, могут быть во многом аналогичны обитателям "нашего" профанного пространства (ведь фантазия отталкивается именно от них), но может при этом возникнуть представление об их противоположности по целому ряду свойств. Вообще нередко убеждение, что мифологическое пространство как бы качественно "перевернуто" по отношению к профанному. Все, что здесь правое,

там - левое. То, что здесь черное, там - белое. Что здесь цело - там сломано.

Вероятно, на возникновение убеждения в перевернутости мифологического пространства оказало влияние отражение в водной поверхности: ведь в отражении правое и левое действительно меняются. Но эта перевернутость может представляться и так, что мифологические существа ходят вниз головой или задом наперед. Если реальные люди, к примеру, темнокожи, то обитатели мифологического пространства - белокожи, и наоборот. Дети появляются из мифологического пространства - и обычно рождаются головой вперед: это также рассматривалось как подтверждение перевернутости "того мира". Фантазия могла считать жителей того мира чрезвычайно уродливыми или же необыкновенно прекрасными.

Мифологическое, сакральное может восприниматься одновременно и как положительное и как отрицательное (двойственно, амбивалентно). Сакральность и проклятость - две стороны одной медали. В зависимости от обстоятельств мифологическое пространство рассматривается и как источник добра, и как источник зла.

По первобытным представлениям, смерть - это просто переход в другое состояние. Мифологическое пространство - это то место, куда уходят люди после смерти, это "тот свет". И покойники по самой своей природе являются посредниками между "нашим" и "тем" светом. Но не только покойники. Туда, в мифологическое пространство, по первобытным коллективным представлениям, может попасть и ряд живых людей. Такие люди - "исключительные личности". Их можно назвать пограничными (маргинальными) существами. При этом термин "маргинал" употребляется не в социальном смысле, как это принято в новейшей истории, а в смысле человека, находящегося в пограничье между профанным и сакральным пространствами. Такими маргиналами выступают жрецы, колдуны, шаманы, вожди. Кроме того, маргиналами могут быть и люди, значительно отличающиеся от среднего уровня по каким-то своим качествам. Это, например, близнецы: психически ненормальные лица, уроды (и, напротив, необыкновенные красавцы). Маргиналами могут становиться люди, испытавшие опасность и при этом уцелевшие (например, "отмеченные" при единоборстве с хищником; спасшиеся от утопления и т.п.). По природе маргинальными существами могут считаться и женщины, ибо они рожают детей (а дети являются "с того света"), у них бывают месячные, они вообще существа странные и

необычные... Недаром так часто и в более поздние эпохи встречаются представления о ведьмах, колдуньях и пр.

С развитием производства в первобытных коллективах - правда, уже к концу их существования - возникают новые занятия и появляются люди-профессионалы: металлурги, кузнецы, горшечники и т.д. Они создают что-то новое, а это ведь обычно сопряжено с опасностью. Но если уж они приспособились к опасности, значит, они тесно связаны с сакральным пространством. Следовательно, эти профессионалы - тоже посредники между нашим и тем миром.

Отношение ко всем посредникам такое же двойственное, как и к самому мифологическому пространству. Посредников и почитают, стараются задобрить, и боятся. От них стараются держаться подальше. Временами их презируют и ненавидят - особенно если есть возможность переложить на них вину за какие-то бедствия, обрушившиеся на коллектив. В таких случаях посредника могут даже уничтожить. Но обойтись без подобных лиц коллектив не может.

Общество старательно воздвигает границу для предотвращения непредсказуемых вторжений мифологического пространства в обыденное. Оно старается зарегулировать подобные контакты, обрамляя их определенными обрядами. Обрядное, упорядоченное общение с сакральным миром считается не только возможным, но и желательным.

По-особому воспринимают в первобытном коллективе и время. Оно также делится как бы на два рода: профанное время и сакральное (мифическое). Однако при этом надо иметь в виду, что на деле временных потоков было больше. Время измерялось какими-то событиями. Так, могло быть время, связанное с определенными видами хозяйственной деятельности. Оно делилось на какие-то сезоны: например, сезон нереста рыбы, сезон сбора птичьих яиц, сезон охоты на оленей. Оно могло быть связано с климатическими периодами (сезон засухи, сезон дождей). Наблюдения за явлениями природы, сменяющимися друг друга по кругу, вызывают представление о цикличности всех этих временных потоков. А чередование дня и ночи и фазы Луны приводили к учету суточного, недельного и месячного циклов. Все эти различные циклы двигались асинхронно и параллельно друг другу, составляя в целом профанное время. Они были связаны с обыденной деятельностью человека. Однако в эти асинхронные повторяющиеся временные потоки вклинивалось представление о сакральном, мифическом времени.

Мифическое время - это время прошлого, неясного, туманного (австралийцы именовали его "временем сновидений"). Человеческая память не удерживала отдаленные события прошлого. Обычно объем памяти ограничивался двумя-тремя поколениями, поэтому лишь недавнее прошлое могло выстраиваться в определенной исторической последовательности, более раннее приобретало смутный, таинственный характер. Но это прошлое обладало и свойством вторгаться в настоящее, ибо это то время, в котором происходят события в мифическом пространстве.

По аналогии с природными циклами мифическое время также осмысливается как цикличное. Но события в мифическом времени не выстраиваются в исторической последовательности: они спутаны и спрессованы.

Мифическое время - это время первотворения, время первичного окультуривания окружающей действительности. В коллективных представлениях последовательность этого процесса не соблюдается, на логичность не обращается внимания. Вполне возможным становится появление, например, сначала света, а уж потом - солнца. Классическим примером этому является уходящее в первобытность начало книги Бытие в Ветхом завете: "... И сказал Бог: да будет свет. И стал свет... И был вечер, и было утро: день один... И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной, для освещения земли, и для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов... И стало так... И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро: день четвертый" (Бытие, 1:1-19).

Цикличность мифического времени выражается в том, что коллектив считает своей обязанностью время от времени как бы возобновлять тот порядок, который установлен в мифическом прошлом. И именно при этом мифическое прошлое как бы вторгается в профанное настоящее. Точки, в которых мифическое время прорывается в профанное, - это праздники.

Роль праздников в первобытном обществе чрезвычайно велика. Праздники не только поддерживают установленный порядок в самом коллективе, но они призваны поддерживать и мировой, природный порядок, который без этого пришел бы в упадок.

Во время праздников, в ходе праздничной обрядности созданные в каждом коллективе мифы, рассказывающие о возникновении природных и культурных явлений, заново "проигрываются" (т.е. воспроизводятся всеми доступными средствами: их рассказывают, представляют, поют, танцуют, рисуют и т.п.). При этом в начале

праздника общество снимает с себя все выработанные нормы, устои, запреты, закрепленные и оправданные мифами, и тем самым возвращается в докультурное, хаотическое, неупорядоченное состояние. Именно с этим связано такое явление, как оргиастичность многих архаичных праздников. Участникам праздников дозволяется вступать в неупорядоченные половые отношения, они могут вести себя буйно, разнузданно, и это не только не запрещается, но даже поощряется. Выходит, что участники праздников в начале их как бы перевоплощаются в представителей мифического пространства, в мифологических персонажей. Кстати, отсюда нередкое участие в праздниках ряженных, людей в масках, что и должно подчеркнуть это перевоплощение. Но в ходе праздника, представляя, рассказывая, изображая действия предков, т.е. воспроизводя мифы, члены коллектива подтверждают, заново воссоздают установленный социальный и мировой порядок. Без такого периодического подтверждения порядка коллективы не мыслят своего существования, поэтому традиция празднеств поддерживается очень строго. Ее забвение, как считается, грозит непредсказуемыми бедами. И не может быть речи о том, что какой-то член коллектива по своей воле откажется принимать участие в празднике. Это будет воспринято как злой умысел по отношению и к коллективу, и ко всему мировому, космическому порядку.

Таким образом, праздничные обряды играют огромную роль. Многие праздники устраивались по поводу важных общественных событий. При этом важнейшими из них считались переходы общества или какой-то его части из одного состояния в другое. Это могли быть события календарного характера: переход от одного сезона к другому; изменение места обитания - переход из одного места в другое; переход членов коллектива из одной возрастной группы в другую (из детей - во взрослые, из взрослых - в старцы и т.п.). Рождение, вступление в брак, смерть кого-то из сородичей также могли рассматриваться как повод для праздника (пусть в последнем случае он и имел несколько иную эмоциональную окраску). Вообще переход в новое состояние, как и любое новшество, рассматривался в первобытности как опасный момент, и все исполнявшиеся в таком случае обряды имели целью нейтрализацию этой опасности. В науке подобные обряды именуются "обрядами перехода". Как выяснено, все они имеют сходную структуру, включающую скорбные и радостные элементы. Поэтому, например, структурно однотипны свадебный и погребальный обряды: и

в том, и в другом случае речь идет о переходе из одного статуса в другой.

Праздничные обряды возобновляют, актуализируют схему существующей в данном обществе модели мира. Они воспроизводят главные пространственные членения, изображают мифологических персонажей и тем самым устанавливают соответствие между космическими сферами и вещами, окружающими человека. Они как бы подтверждают, напоминают, что все вещи, участвуя в обряде, имеют не только функциональное значение, но и символическое, знаковое. Профанные вещи в обряде приобретают сакральную символику.

Мифическое время считается временем возникновения всего, в том числе и всех вещей, изготавливаемых людьми. Ведь все последующие вещи, как утверждает первобытным сознанием, имеют право на существование лишь потому, что они изготовлены по образцу мифических. Тем самым закрепляется существующая в коллективе традиция, не может быть и речи о ее произвольном изменении. Это касалось и формы вещей, и их орнаментации.

Вещи, как и все остальное, рассматривались в качестве живых существ. В связи с этим считалось, что каждая вещь имеет свой характер, свои свойства. И даже внешне одинаковые вещи лучше или хуже выполняют свои функции. Мифологическое мировоззрение прекрасно это объясняло: ведь у них различные черты характера, значит, случайная неудача, например на охоте, может быть объяснена тем, что данное копьё не захотело по какой-то причине попасть в добычу.

В то же время в ритуале вещи, как было сказано, наделяются тем или иным символическим значением. А поскольку в конкретных ситуациях некоторые из них могут применяться по одному назначению и занимать одинаковое место в ритуале, то возникает возможность отождествлять совершенно, казалось бы, с рациональной точки зрения, различные вещи. И одна из них может выступать в обряде заместителем другой.

Точно так же в возникающих в первобытности классификационных системах вещи иногда объединяются по своеобразным принципам, с нашей, современной точки зрения, нелогичным. К одному "роду" могут быть отнесены, например, человек и медведь или какой-то другой вид животных либо растений - критерием здесь является даже то, что они размножаются. В один "род" могут попасть топор и полено, потому что они объединены

конкретным действием - рубкой дров. Если же какой-то объект нарушает принятые в данном коллективе принципы классификации, он рассматривается как "из ряда вон выходящий" и к нему относятся как к сакральному и опасному. Такой объект может считаться и медиатором между профанным и сакральным миром. Примером могут быть, скажем, водоплавающие птицы. Они нарушают "предписанную" птицам среду обитания, так как не только летают и ходят по земле, но и ныряют под воду. И отношение к ним обычно особое. Другим примером могут служить змеи. Их непонятный образ передвижения, внезапные исчезновения, немигающий взгляд, свойство менять кожу, а также способность существовать на поверхности земли, под землей и в воде - все это, не говоря уж о змеином яде, приводило к их выделению из числа других существ и отношению к ним как к сакральным - опасным.

Нелогичность первобытного сознания кажущаяся. Логика есть, но она своеобразна и во многом определяется конкретной ситуацией.

Не зная подлинных природных закономерностей, первобытные люди не удивлялись и считали вполне допустимым их нарушение, т.е., иначе говоря, они могли поверить любому чуду, разницы между обычным и чудесным для них не существовало. Коллективные представления могли объяснить все. Граница в первобытном сознании проходила не между возможным и невозможным, а между извечным порядком и тем, что этот порядок нарушало, между древней традицией, запечатленной в мифе, и новшеством. Новшества, ломавшие традицию, вызывали опасение, страх, растерянность. Нарушение ритуала рассматривалось как навлечение опасности на весь коллектив и более того - на весь доступный сознанию коллектива мир. Коллектив стремился сохранить свою структуру, свое неизменное существование: отсюда идея извечного порядка и боязнь его нарушить. Упорядочен не только окружающий мир, но и вся жизнь человека - от рождения и до смерти. Несколько поворотных точек в жизни связаны с изменением социального статуса члена коллектива (переход во взрослое состояние, вступление в брачные отношения, переход к старости), и коллектив строго следил за соблюдением этой линии.

Архаическое общество отрицало индивидуальность и новаторское поведение. Нормой было вести себя, как все, как поступали люди испокон веков. "Так принято" - вот формула, оказывавшая огромное влияние на членов первобытного коллектива. Только такое традиционное поведение считалось правильным, моральным. В связи с этим жизнь человека представляла собой постоянное повторение

поступков, ранее совершенных другими. А первопричиной этих поступков, примером, парадигмой первобытное сознание считало поведение мифических персонажей, живших в мифическое время. Вся деятельность людей - производственная, общественная и интимная - была как бы постоянным воспроизведением установленных в начале времен правил.

В то же время в коллективных представлениях закреплена точка зрения, что существа, обитающие в мифологическом пространстве, от всех ограничений свободны. Это еще одна сторона "перевернутости" мифологического мира по отношению к человеческому. Поэтому мифологические существа не соблюдают никаких человеческих запретов. Так, одним из наиболее ранних культурных запретов был запрет на кровосмешение - инцест, а в мифах мы сталкиваемся с многочисленными случаями инцеста. Это касается и других запретов. Устанавливая запреты для людей, мифы не распространяют их на своих персонажей. Мифологический мир как бы выстраивается по принципу не только противоположности, но и дополнительности к человеческому. Несвобода человеческого, культурного мира компенсируется свободой мифологического.

Любопытно отношение архаического сознания к таким явлениям, как, например, смех, шутки. С одной стороны, область смеха - важный элемент культуры. Смех широко используется в различных ритуалах, особенно предназначенных для поддержания мирового порядка, круговорота сезонов, и в этом смысле рассматривается как положительное явление. При этом смех может быть связан и с непристойностями, бранью (инвективами), высмеиванием. Смех включается и в другие обряды перехода (в том числе и в погребальный обряд: известны примеры того, как в ходе погребального обряда стараются рассмешить покойника и тем самым вернуть его к жизни; кстати, "царевна-несмеяна" - персонаж "того мира", заставить ее засмеяться - значит вернуть ее в этот мир, оживить). Однако смех оборачивается и другой стороной. Он несет с собой разрушение порядка, высмеивает принятые нормы поведения, социальные устои и потому может выступать как черта мифического мира, противостоящего обыденному. Нередко одним из важных мифологических персонажей является шутник (трикстер), но он не всегда играет позитивную роль. Такой трикстер может творить в мире зло - умышленно или "сдуру", по неумению, произвольно, подражая другим персонажам. Смех, таким образом, может играть в обществе двойственную роль. В связи с этим смех во время

праздников допускается и приветствуется так же, как и высмеивание существующих порядков, но лишь до того момента, как праздник заканчивается. Такое отношение к смеху и шуткам долго сохраняется в традиционном обществе (например, во время карнавалов, шествий, масленицы и т.п.). Отсюда же гротескность многих произведений народного искусства и изображения улыбающихся существ - обитателей "того мира" (вспомним греческую "архаическую улыбку").

Так, в мифологическом сознании смешное и уродливое сочетаются со священным. Смех помогает людям избавиться от страха перед неизвестным, снимает эмоциональное напряжение.

Мифологические представления, безусловно, восходят к реальной жизни, но они интересуются не сиюминутным, злободневным, а лишь существенными явлениями, рассматриваемыми как сакральные. Это касается и первобытного искусства, которое отражает данные мифологические представления. Ошибочна иногда встречающаяся в литературе точка зрения, что первобытное искусство являлось "дневниковым" или "портретным". Оно изображает мифологических персонажей и мифологические сюжеты, которые в то же время очень сходны с реальными, от них отталкиваются. При этом содержание мифов было известно коллективу, а потому основной объем информации находился как бы вне самих произведений искусства. Достаточно было лишь нескольких черт, знаков-указателей содержания того или иного "текста", внутри которого находилось данное произведение искусства, и в сознании аудитории происходило самовозрастание информации. Следовательно, аудитория в первобытном творчестве играла гораздо более активную роль, чем это происходит в наше время. Кроме того, надо помнить, что все празднества были, говоря современным языком, грандиозными выступлениями художественной самодеятельности. Члены коллектива выступали не как посторонние зрители обрядов, а как их активные участники и исполнители всех словесных и действенных "текстов" мифов. Это было связано и с интуитивным желанием дать эмоциональную разрядку каждому члену коллектива. Участвуя в мифологических сюжетах, люди преодолевали страх перед неизвестным, вырабатывали ощущение уверенности, даже своеобразного всемогущества коллектива. И в то же время это способствовало сплочению коллектива, обеспечению его единства.

Миф старается гармонизировать и упорядочить мир. Мифология постоянно моделирует мир, обращаясь при этом к авторитету

прошлого - к происходившему в "мифические времена", "во время оно". Сущность вещей сводится к их происхождению: чтобы понять, что собой представляет тот или иной объект, надо узнать, откуда он происходит.

При этом коллективные представления не оказываются абсолютно закрытыми для новых веяний. Хотя и очень медленно, постепенно, но новые культурные явления включаются в систему мифологии. Всякий, с точки зрения коллектива, значительный сдвиг проецируется в прошлое, включается в повествование о прошлом. Но историческая последовательность возникновения данных явлений при этом утрачивается.

Итак, мы ознакомились с основными особенностями первобытного мировосприятия. Еще раз подчеркнем, что это - продукт не индивидуальных, а коллективных представлений. Все окружающее воспринимается по аналогии с человеческими существами как живое и обладающее определенными человеческими свойствами. Поэтому возникают мифы, повествующие об этих живых существах, об их появлении и деятельности в глубоком мифическом прошлом. Эта деятельность считается первопричиной всего существующего. По-особому воспринимаются мифологическим сознанием время и пространство. Основные черты *мифического времени* - цикличность и спутанность, спрессованность, неисторичность событий. *Мифическое пространство* - это неосвоенное, неизвестное пространство, населенное фантастическими персонажами. В сопряжении, взаимодействии мифических пространств и времени с обыденным, профанным решающую роль играют праздники.

Мифы поддерживают существующий в обществе порядок, традиции и тем самым имеют огромное социальное значение.

Нужно иметь в виду и следующее. Миф фантастически предвосхищает ту важную мысль, что все вокруг живет своей (во многом непонятной человеку) жизнью, и ничто из этого нельзя рассматривать как простое средство для достижения утилитарной цели, если мы не хотим испытать на себе "месть" природы, удары рока, иронию внешнего мира. Человечество вновь вернулось к этой мысли лишь в самое последнее время, на новом, более высоком уровне развития технологии, когда вмешательство человека в идущие в природе процессы становится не только опасным, но порой просто губительным для него самого.

Завершая разговор об особенностях мифологического мировоззрения, хочу напомнить, что оно - хотя и очень медленно -

изменялось. В то же время коллективные представления существуют и в сознании современных людей, хотя, видимо, в меньшей степени, чем в первобытности. Однако еще в прошлом веке не только в архаичных обществах, но и в, казалось бы, цивилизованной России можно было встретить примеры существования совершенно архаичных коллективных представлений. Достаточно перечитать описание жизни помещицкой усадьбы в "Обломове" И.А. Гончарова. Это типичная картина господства первобытных коллективных представлений. А идеология коммунизма, получившая в нашей стране стараниями правящей верхушки характер устойчивого коллективного представления?! Ведь это, по сути дела, вера в мифологическую схему: коммунизм имеет прообраз в мифе о "золотом веке", а пролетариат выступает в роли мифологического персонажа - сверхъестественного спасителя, Мессии. До сих пор безотказно работает такой принцип первобытного сознания, как бинарная оппозиция "наш - чужой" с резким противопоставлением оценок: все наше - хорошее, все не наше - плохое. Можно припомнить многие случаи использования этой оппозиции и в быту, и в политике, особенно среди фашиствующих политиканов и псевдоученых.

Таким образом, нельзя не считаться с тем, что мы сохраняем многие первобытные черты сознания, несмотря на внешне далеко ушедший процесс цивилизованности общества.

Л и т е р а т у р а

- Абрамян Л.А. Первобытный праздник и мифология. Ереван, 1983.
- Антонова Б.В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М., 1990.
- Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984.
- Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
- Гуревич А.Я. Категория средневековой культуры. М., 1972.
- Иорданский В.Б. Хаос и гармония. М., 1982.
- Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930.
- Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1937.
- Лосев А.Ф. Знак, символ, миф. М., 1982.
- Лосев А.Ф. Философия, мифология, культура. М., 1991.

Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974.

Мень А. История религии. М., 1991. Т. 1, 2.

Мифологический словарь. М., 1990.

Мифологии древнего мира. М., 1977.

Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1, 1982. Т. 2.

Стеблин-Каменский М.И. Миф. Л., 1976.

Тернер В. Символ и ритуал. М., 1983.

Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978.

Элиаде М. Космос и история. М., 1987.

Л е к ц и я 2. МИФОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ. АНИМИЗМ. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДУШАХ И ДУХАХ. ВИДЫ МИФОВ. МИФ, СКАЗКА И ЭПОС

Мир сакрального - это мир неизведанного, но вовсе не обязательно считать его миром сверхъестественного с самого возникновения человеческого общества. С этим связана и проблема происхождения религии.

Напомним, что существует концепция, согласно которой люди по Божьему произволению были изначально религиозны. Мы с Вами ознакомились с данными науки о первобытном мировоззрении. Можно ли считать его религиозным? Нам кажется, нет. Первый и весьма длительный период человеческой истории может рассматриваться в качестве дорелигиозного. Однако это не время "стихийного материализма", как пытались доказать некоторые сторонники воинствующего атеизма. Нет, это время, когда не было расчленения на материальное и идеальное, на естественное и сверхъестественное. Люди в силу ограниченности своего кругозора, узости практики наряду с рациональными представлениями, как мы уже говорили, накапливали иррациональные. И из их круга впоследствии и выкристаллизовались представления о сверхъестественном. Нерасчлененность первобытного сознания долгое время не давала возможности возникнуть таким представлениям. А религию, по-видимому, следует связывать именно с верой в сверхъестественное и с поклонением этому сверхъестественному. Поэтому нам кажется, что

правы те исследователи, которые утверждают, что мифология возникает раньше религии.

Прошло длительное время, в течение которого из неверных, ложных представлений о всеобщей живости, оживотворенности, аниматизма сформировались новые коллективные представления, основанные на поисках первопричины этой живости. Попутно, видимо, происходило и связанное с расширением человеческой практики развитие представлений о том, что какие-то объекты и явления сами по себе жизненности не имеют. Следовательно, возникает деление на живое и неживое, а поиски причин жизненности приводят к появлению образов сверхъестественных существ - душ и духов. Это явление в религиоведении называется анимизмом (от лат. *anima* - душа).

Данный термин в настоящее время понимается не совсем так, как это понимал создатель концепции анимизма Э. Тайлор.

Современные исследователи считают, что в первобытности отсутствовало представление о душе как о чисто духовном объекте. То, что мы называем термином "душа", в архаичных обществах представлялось в какой-то мере материальным существом, связанным с жизненностью людей и животных. Именно душа считалась первопричиной этой жизненности. Нужно добавить, что души считались источником жизненности всех тех окружающих объектов, которые признавались первобытным сознанием на этом этапе его развития живыми. Различие с предшествующей эпохой аниматизма, таким образом, заключалась в том, что, во-первых, уже не все окружающие объекты признавались живыми, возникли какие-то критерии признания объекта живым. Во-вторых, источником жизни стали считаться какие-то внутренние, обычно живущие внутри данных объектов существа. Они могут отделяться от своих вместилищ при определенных условиях. Эти существа трудноуловимы для обычных людей и в обычных условиях, но все же, по первобытным представлениям, они могут быть распознаны маргинальными личностями. Общество выявляет их и во время выполнения специальных обрядов. Безусловно, эти существа связаны с мифологическим пространством. Они как бы являются представителями "того света", сакрального мифологического мира в нашем профанном мире. Поэтому для них не представляло сложности перемещение из нашего мира в мифологический.

Нужно упомянуть об определенных трудностях, связанных с исследованием анимизма. В первую очередь речь идет о проблеме

перевода с языков различных народов тех понятий, которые могут относиться к анимизму. Особенно в прошлом не всегда, по-видимому, перевод выполнялся корректно, а ведь мы в основном имеем дело с этнографическими источниками. Исследователи-этнографы (нередко христианские миссионеры) переводили привычным им термином "душа" и такие обозначения, которые на деле не совсем соответствовали точному значению этого термина.

Любопытно, что критерии, по которым в архаичных обществах живые объекты отличались от неживых, могли не совпадать с современными. Как пример приведем данные о восточных хантах. У них в качестве живых рассматриваются все те объекты, которые обнаруживают способности к движению, дыханию, росту, видоизменению или превращению во что-нибудь другое. Согласно таким критериям, живыми считаются, наряду с человеком, животным, растением, также снег и огонь.

Итак, анимизм, по сути дела, мировоззренческая категория. Это новый этап в развитии человеческого мировосприятия, при котором за видимым миром ищутся первопричины жизненности. Такими первопричинами чаще всего выступают сердце, дыхание, кровь, мозг (череп), печень, глаза, тень - то, что и с нашей, современной точки зрения является неотъемлемым атрибутом жизненности тех или иных существ. Но это для первобытных людей не просто кровь, а душа-кровь, не просто дыхание, а душа-дыхание и т.п. По их мнению, сверхъестественные существа обитают в крови, в дыхании, являются как бы олицетворением этих субстанций.

Число таких душ, по представлениям первобытности, у каждого живого существа может быть различным (как правило, не одна).

Рассмотрим несколько примеров представлений о человеческих душах - наиболее распространенных.

Душа-дыхание нередко считается существующей в облике птицы или насекомого. Это понятно, так как дыхание летуче, и такие представления отражают семантическую связь между "духом", "дуновением", "дыханием" и летающими существами. Такая душа покидает человека после смерти и продолжает свое существование в облике птицы или насекомого. Кстати, с этим связан широко распространенный обычай кормить птиц на могилах. А у некоторых народов во время болезни рекомендуется рассыпать зерна вокруг больного и звать улетевшую (и тем самым причинившую заболевание) душу точно так же, как приманивают кур. Многие народы верят, что после смерти владельца душа-дыхание отправляется в верхний мир.

Но иногда встречаются и очень сложные представления о посмертной судьбе этой души. Так, у нивхов считается, что после смерти человека его душа-дыхание сначала в виде птицы посещает все те места, в которых он побывал в течение жизни. Потом она отправляется под землю, в нижний мир, и там заново проживает жизнь. В нижнем мире душа-дыхание в птичьем облике вторично умирает и переходит в новый мир мертвых - и на этот раз в виде насекомого. Там она вновь проживает жизнь и со следующей смертью уже совершенно исчезает.

Архаическое сознание не смешивает физический акт дыхания с душой-дыханием, хотя зависимость второй от первого очевидна.

Круг представлений о душе-дыхании частично совпадает с другим кругом коллективных представлений - о "душе-тени". Некоторые свойства "души-дыхания" могут приписываться и "душе-тени" и наоборот; строгих границ между ними не было.

Душа-тень может (и это вполне понятно) выступать как точная копия, двойник человека. В то же время она нередко считается обитающей в какой-то определенной части человеческого тела (например в голове). У ряда народов сохранились различные термины для обозначения "живой" тени и "неживой". По наиболее распространенному представлению, душа-тень после смерти человека отправляется в нижний мир или же продолжает существовать в месте захоронения, в могиле. Встречаются и представления о нескольких душах-тенях: так, например, некоторые африканские племена верили, что три души-тени после смерти их владельца испытывают различную судьбу.

Потерять душу-тень - это сигнал болезни и близкой смерти. Такое представление удерживается очень долго. Вспомним знаменитый сюжет о человеке, потерявшем тень (использованный А. Шамиссо, а впоследствии обработанный Г.Х. Андерсеном и Е.Л. Шварцем). Столь же распространена вера, что мифологические существа (в позднем восприятии - нечистая сила) тени не отбрасывают (именно эта черта выдавала принадлежность к нечистой силе Варенухи в романе М.А. Булгакова "Мастер и Маргарита"). Алгонкины Северной Америки считали, что болезни происходят оттого, что душа-тень покидает тело больного. По их мнению, выздоравливающий не должен был подвергать себя опасности, прежде чем эта душа-тень не утвердится в нем достаточно прочно. У многих народов признается недопустимым наступать на тень человека. А иногда "приносят душу-тень в жертву", заменяя этим настоящее человеческое жертвоприношение.

Довольно широко распространено и представление о существовании *души-крови*. Эта душа считалась весьма важной не только для человека, но и для животных. Так, у древних евреев было запрещено есть мясо с кровью. Этот запрет сохраняется и в современном иудаизме и объясняется он, как и в древности, тем, что в крови находится душа животного. Боязнь того, что кто-то может причинить вред душе-крови, приводила к тому, что в архаичных обществах люди могли испытывать ужас даже при малейшем ранении. Специальные ритуалы должны были снять эту опасность. Встречаются также представления о *душе-сердце*, *душе-печени* (кстати, из-за этого иногда поражение печени считалось непременно смертельным: вероятно, отсюда иконография распятого Христа с раной в области печени), *душе-мозге* (душе-черепе). Особое отношение к голове, черепу как вместилищу одной из важных душ было по понятным причинам весьма популярным. Древние корни имеет и выработанное у многих народов представление о "*телесной душе*", или "*душе тела*": такая душа считалась рождающейся вместе с телом. Она была неразрывно связана с телом в течение всей жизни, а после смерти оставалась обитать на месте захоронения вместе с трупом. Дальнейшее ее существование зависело от долговечности скелета. Если скелет разрушается и исчезает, то погибает и телесная душа. С подобным представлением связано хорошо известное стремление ряда народов создать какую-то замену телу покойника или продлить существование трупа. Отсюда - возникновение обряда мумификации, а также изготовления погребальных кукол или скульптурных копий покойника. Видимо, с тем же представлением связаны и так называемые "лицевые урны" - антропоморфные сосуды, в которые помещали прах покойника после трупосожжения.

Как мы уже упоминали, некоторые души могут представляться в виде двойников человека. Миниатюрным двойником могли воображаться душа-сердце и др. Двойником выступала душа-тень. И таким же двойником считалось отражение, первоначально замеченное в воде, а с развитием культуры - в металлических, а потом и стеклянных зеркалах. *Душа-отражение* - перевернутый двойник человека, зримый представитель мифического пространства (впрочем, как мы уже упоминали, и все души являлись естественными обитателями мифического пространства, его посланниками в профанном, нашем мире). Видеть свое отражение опасно, ведь это означает как бы отделить одну из своих душ от тела. Отсюда боязнь увидеть свой портрет (нарисованный или фотографический), столь

затрудняющая работу этнографов - исследователей многих отсталых народов. В знаменитой греческой мифе о Нарциссе опасность увидеть свое отражение обрела поэтическую форму: прекрасный юноша, засмотревшись на свое отражение, перестал замечать окружающий мир, погиб и превратился в цветок. У некоторых народов считается, что человек видит свою душу-двойника только перед смертью. С этими верованиями связан страх перед разбитым зеркалом (душе-отражению наносится вред), а также запрет видеть свое отражение в доме покойника: ведь душа или души покойника в этот момент готовы отправиться в мифологическое пространство, и душа-отражение живого человека может решиться сопровождать их. Это повлечет за собой болезнь и новую смерть. И зеркала в доме покойника тщательно завешивают. А на Руси вплоть до XVII в. существовало правило закрывать зеркало даже в обычное время. И наоборот, у некоторых народов прослеживается обычай класть в погребение разбитое зеркало. Тем самым душу-отражение покойника отправляли на тот свет, облегчали расставание с нашим миром.

Зеркало, таким образом, представляло собой вместилище души-отражения. В Китае зеркала снабжали благопожелательными надписями, чтобы предотвратить возможную опасность, грозящую этой душе.

Как мы видим, первоначальные, первобытные представления о душах людей предусматривали их множественность. У каждого человека было несколько душ. При этом в разных коллективах возникали различные точки зрения на число и качество этих душ. Нередко считалось, что у мужчин и женщин число душ разное. В одних случаях больше душ насчитывалось у мужчин, в других - у женщин. Обычно маргинальные личности считались обладателями большего количества душ, чем обычные члены общества. На более позднем этапе, когда этим вопросом стали заниматься жрецы, представления о количестве душ могли изменяться в сторону и уменьшения, и увеличения. Чаще развитие этих представлений идет в направлении уменьшения количества душ - вплоть до одной души. Но есть и противоположные примеры. Так, у некоторых народов юго-восточной Азии зафиксирована вера в то, что число душ у одного человека доходит до 120. Душами наделяются все органы, все части человеческого тела, каждый палец и т.п. Такие души именуются в науке "парцеллярными" или "парциальными" (от латинского слова *pars* - часть). В такой сложной системе душ есть и представление о том, что большое их количество находится вне человека,

сопровождает его со всех сторон: спереди, сзади, слева и справа. Такие души называются внешними. По сути дела, внешними душами могут считаться и душа-тень, и душа-отражение.

У некоторых народов относительная самостоятельность внешних душ по отношению к их владельцу представляется настолько существенной, что одну из таких душ как бы помещают в какой-то другой объект. Чаще всего такимместилищем одной из внешних душ является дерево, посаженное в момент рождения ребенка. Отсюда широко распространенный обычай сажать деревья в честь рождения детей. При этом первоначально считалось, что такое дерево -местилище души - надо тщательно оберегать от порчи, так как от повреждения дерева непременно пострадает человек. Может существовать и представление о том, что внешнюю душу помещают в каком-то ином объекте. Отголосок этого мы находим в русских сказках о Кощее Бессмертном. "Смерть" Кощея (а на деле - его внешняя душа) помещается в яйцо, утку, зайца.

Вспомним, что в первобытном сознании неразрывно связаны название вещи и сама вещь. Такое представление приводит к тому, что одну из душ могут считать помещающейся в человеческом имени. Поэтому в некоторых обществах существует обычай иметь по несколько имен у каждого индивидуума. Среди этих имен выделяется главное, "настоящее", связанное с душой. Его тщательно хранят в тайне, чтобы избежать вреда. Потому же встречается обычай менять имя в тех случаях, когда человек заболевает или с ним приключается несчастье: тем самым как бы приобретается новая душа (или ееместилище) вместо поврежденной. Встречаются архаичные общества, в которых набор имен строго ограничен по числу душ предков, и новое имя дается потомку лишь тогда, когда умирает прежний носитель этого имени и, следовательно, обладатель души. Если же в таком обществе рождается детей больше, чем имеется в наличии "вакантных" имен, следует добыть новую душу-имя в каких-либо соседних коллективах. Для этого устраивают военные экспедиции, захватывают пленных и, прежде чем убить, спрашивают их имена. Пленники, кстати, охотно называли свои имена, так как понимали, что тем самым их душа-имя сохранится и после их гибели. Затем головы убитых вместе с душами-именами приносили домой и особыми обрядами вселяли эти души в новорожденных.

Представления о душах живых существ естественно дополнялись представлениями о том, что и во всех окружающих человека объектах обитают сверхъестественные, невидимые в обычных условиях

существа - духи. Они могут свободно перемещаться в пространстве, выходить из своих вместилищ и входить в них, свободно переходить из одного объекта в другой. В принципе они способны обитать в любом возможном объекте: и в естественном, и в искусственно созданном человеком. Но в отличие от эпохи аниматизма теперь сами по себе объекты не считаются живыми: живы лишь населяющие их духи. Правда, неживое вместилище духа может рассматриваться как особо выделенный, почитаемый предмет - но не сам по себе, а потому, что в нем предпочитает обитать некий дух. Такие вместилища, если их особо выделяют и почитают, с нашей точки зрения, могут именоваться "фетишем", хотя термин "фетиш" вообще применяется в литературе в различных смыслах. Первоначальное значение этого термина (от португальского слова "feitico" - сделанный) предусматривает искусственно изготовленный объект, пользующийся почитанием. Однако мы считаем возможным называть фетишем и любой природный объект, в котором обитает дух, к которому обращаются за помощью.

Духи (как ранее - сами окружающие человека объекты) представлялись обладающими человеческими свойствами характера. Они могли быть благожелательными к людям, т.е. добрыми. Могли быть по своей природе злыми, враждебными людям. Но чаще всего духи считались нейтральными по отношению к человеку, а поведение их менялось в зависимости от того, как люди сами к ним относились и какие обряды выполняли для привлечения их на свою сторону.

Л.Я. Штернберг указывал, что представления о духах подкрепляются индивидуальным человеческим опытом. Так, лесные сумерки нередко кажутся наполненными какими-то плохо различимыми существами. Незнакомые звуки, неясные очертания деревьев вызывают к жизни образы каких-то живых существ, которые куда-то исчезают после приближения к ним человека. Разнообразные потрескивания стен домов, вой ветра, хлопанье дверей, такие явления, как естественная усушка жидкостей (налитый до краев сосуд через некоторое время оказывается частично выпитым) - все это служило подтверждением для архаичного сознания факта существования невидимых духов. Каждому из нас знакомы совершенно, кажется, необъяснимые потери той или иной вещи. Это тоже может быть приписано козням злых духов. Таким образом, коллективные представления о духах имели постоянную "подпитку".

Позднее, в развитых религиозных системах, духи окончательно обретают законченный и индивидуальный вид. Появляются демоны -

злые духи и ангелы - добрые духи различных степеней и рангов. Некоторые духи как бы облакаются более высоким статусом, превращаясь в божества. Вообще отличие духа от божества условно. Иногда считается, что боги имеют личное имя, а духи не имеют. Но это далеко не так, часть духов также имела личные имена. Более справедлива точка зрения, что боги обладают большим, а духи - меньшим влиянием, у них уже функции. Однако это не всегда может применяться как критерий для разделения на образы духов и богов. Известны и весьма ограниченные по функции боги: таковыми были, например, "малые боги" древних римлян.

Все эти представления о душах и духах, несомненно, представления сверхъестественные. Хотя и по сию пору делаются попытки доказать реальность существования духов и душ (даже взвесить человеческую душу!), все же убедительных результатов в этом плане нет. Поэтому возникновение анимизма, с нашей точки зрения, действительно может рассматриваться и как начало возникновения религии, тем более что это мировоззренческое явление сопровождалось и возникновением первой формы собственно культовой практики - умиловительными обрядами (о чем речь будет впереди).

Надо упомянуть еще об одном встречавшемся виде коллективных представлений. Это представление о том, что во всех объектах, окружающих людей, а также в самих людях разлита некая сверхъестественная сила, распределенная неравномерно. Исключительные личности обладают ею в наибольшей степени, обычные, рядовые - в меньшей, а какие-нибудь неудачники - совсем в незначительном количестве. Точно так же неравномерно распространена эта сила и в природе. Например, у хищников ее больше, у травоядных - меньше. Много ее в могучих деревьях, меньше - в обычных, еще меньше - в траве, камнях (но отдельные камни могут считаться обладателями значительного количества указанной силы). Эту сверхъестественную силу в науке обозначают меланезийским словом "мана", ибо именно у меланезийцев данное представление было впервые отмечено.

Представление о мане явно восходит к первоначальным коллективным представлениям о всеобщей живости - к аниматизму. Но теперь это не просто жизненность, антропоморфизация всех объектов, а именно вера в сверхъестественные качества данной силы. Мана одного объекта влияет на ману другого. Она может как бы "переливаться", передаваться от одного объекта к другому.

Источником маны считаются сверхъестественные существа, т.е. вера в ману сопутствует анимизму, хотя мана действительно может рассматриваться как пережиток прежних, доанимистических взглядов. В развитых религиях сохраняется представление о том, что лишь отдельные, исключительные личности могут обладать такой сверхъестественной силой. В христианстве, например, подобная сила обозначается термином "Благодать", "Святость" (греч. харизма). Эта благодать может передаваться от одной личности к другой. Так, в православии благодать считается передающейся от одного священника к другому путем рукоположения (хиротонии), т.е. благодать как бы материально перетекает от одного к другому в течение веков, восходя к эпохе деятельности апостолов, которые были наделены ею самим Христом. Святые на христианских иконах изображаются с нимбом вокруг головы - это благодать, как бы излучающаяся из головы святого. Сходные представления есть у буддистов и были у древних персов (фарн) и др. Сейчас в прессе популярен термин "харизматический лидер" - вождь, обладающий большим авторитетом у окружающих, как бы наделенный в их глазах особенной благодатью. Так мы еще раз убеждаемся в том, что очень устойчивые элементы архаичных коллективных представлений сохраняются и в современности.

В эпоху распространения анимизма, т.е. с возникновением религии, мифология переживает свой расцвет. Она впитывает в себя все анимистические элементы, сохраняя в то же время и набор более древних черт.

Мифы, созданные человечеством, можно разделить на ряд категорий. Кстати, у многих народов прослеживается восходящее к первобытности деление на общедоступные мифы (экзотерические) и на тайные (эзотерические). В первобытности экзотерические мифы были доступны всем взрослым членам коллектива, а эзотерические предназначались для передачи лишь тем членам коллектива, которые достигали определенного статуса. Само сообщение этих мифов происходило обычно во время обрядов перехода, связанных с посвящением в этот статус.

Есть исследователи, выделяющие среди мифов большую категорию этиологических, т.е. таких, которые объясняют происхождение всех вещей и явлений. Однако, поскольку мифы рассматриваются в первобытном обществе как парадигма, пример для обыденной деятельности, нам кажется, что этиологический элемент присутствует - в явной или скрытой форме - в любом мифе.

Наиболее распространено разделение, классификация мифов по тематике. Например, выделяют группу *мифов о животных*. Эти мифы считают одними из древнейших, так как в них четко прослеживается антропоморфизация животных, а нередко утверждается и родство определенного вида животных с человеческим коллективом (тотемические мифы). Среди мифов о животных особого внимания заслуживают мифы об умирающем и воскресающем звере. По-видимому, именно такого рода представления послужили тем зерном, из которого впоследствии выросли мифы об умирающих и воскресающих божествах, характерные для более поздней эпохи, несомненно связанной с господством производящего хозяйства. *Земледельческие мифы* об умирающем и воскресающем зерне наслаиваются на старую охотничью схему смерти и воскресения животных.

Самые архаичные мифы были весьма просты. Стоит познакомиться с текстами, например, австралийских мифов, чтобы убедиться, что в них мифические персонажи занимаются такими же делами, которые были присущи австралийским аборигенам в обыденной жизни. Они, подчеркнем еще раз, задают пример, парадигму этой обыденной жизни.

По-видимому, позже, по мере расширения человеческого кругозора, формируются мифы, повествующие о происхождении космоса и человека. При этом некоторые из них могут быть более древними, а некоторые - относящимися уже к концу эпохи первобытности.

Космогонические мифы могут быть разделены на два типа: креационные и эволюционные. По креационным мифам, мир создается каким-то творцом, которым может быть сверхъестественное существо, дух или бог. По эволюционным мифам, мир постепенно развивается из некоего первобытного бесформенного состояния: хаоса, мрака, воды. Эволюционный миф рассказывает и о возникновении мира из яйца (впрочем, яйцо встречается и в креационном варианте - из него может создавать мир какой-либо творец).

Антропогонические мифы - мифы о происхождении человека, по сути дела, являются частью космогонических (хотя могут существовать совершенно самостоятельно и вдобавок восходить к более древним временам, чем космогонические). Для многих антропогонических мифов характерно представление о том, что первоначально все вокруг антропоморфно: все существа, животные, предметы и явления, место обитания коллектива и даже вся

Вселенная. Такая антропоморфизация уже сама по себе свидетельствует о том, что эти мифы связаны с глубочайшей древностью. Возникновение человека в таких мифах может описываться не столько как его создание, сколько как его выделение из числа других человекоподобных существ, которые постепенно теряют человеческий облик, а сохраняют его только люди.

В то же время антропогонические мифы в первобытности - это мифы о возникновении "наших", членов своего коллектива. Недаром в названиях многих народов сохранилась терминология, обозначающая "люди" или "настоящие люди" (в противоположность представителям других народов).

Антропогонические мифы также могут быть и эволюционными, и креационными. Очень распространены креационные варианты, по которым людей создает творец из каких-то простейших материалов: камня, дерева, глины или вообще земли и т.д.

Может быть выделена группа мифов о происхождении небесных светил и небесных явлений - *астральные мифы*. Очень широко распространены различные варианты мифов о глобальных наказаниях человечеству (например о потопе), а также о грядущем конце света (эсхатологические). При этом будущий конец света сочетается обычно с циклизмом: вслед за концом подразумевается новое начало.

Как нам представляется, креационные мифы в основном связаны с анимизмом, т.е. они образуют ту часть мифов, которая носит религиозный характер. Но мифы могут включать в себя и более древние элементы, и нередко их трудно выделить.

В мифах различных народов прослеживаются сходные схемы, мотивы, сюжеты, ситуации, элементы. Их можно назвать "архетипами" мифов. Сходство архетипов иногда может быть объяснено заимствованиями, но чаще вызвано просто похожими условиями первобытного существования и общими законами человеческой психики.

Завершая разговор о мифах, хотелось бы коснуться вопроса о взаимоотношениях между мифом, сказкой и эпосом. Дело в том, что часть сказочных сюжетов возникла на основе мифов. По-видимому, отличие мифа от сказки заключается не в тексте (он может быть практически идентичен), а в восприятии его тем коллективом, который этот текст воспроизводит. Миф рассматривается как истинное, правдивое и при этом священное повествование. Сказка же утрачивает эту истинность и сакральность. Что же касается эпоса, то он теряет сакральность, однако сохраняет ореол истинности. Он

сходен с мифом восприятием его как правдивого повествования (русская поговорка гласит: "Сказка - складка, а песня - быль"). Ранний, архаический эпос может включать в себя мифы. Однако эпос обычно отличается от мифов по тематике. В нем чаще идет речь не о первотворении, не о возникновении всех вещей и явлений, не о первичном освоении людьми земли, а о более поздних явлениях: становлении этносов, переселениях, войнах с "чужими", "не нашими", ранних этапах этнического развития. В то же время эпосы не могут рассматриваться как объективные исторические источники для реконструкции тех или иных политических событий. Эти события в эпосе столь же спрессованы и перепутаны, как и события в мифах. Эпическое время сконструировано по образцу мифического. Эпическое время - это время активных действий предков, предопределивших дальнейший порядок. Но последовательность этих действий не соблюдается. Потому в русских былинах, например, Владимир Красное Солнышко сражается с татарами (хотя реально эти события разделены почти тремя веками).

Итак, мы проанализировали не только основные черты первобытного мировоззрения, но и его определенную эволюцию, связанную с возникновением представлений о сверхъестественном. Мы видим, что сакральное мифологическое пространство становится в коллективных представлениях местом обитания сверхъестественных существ. Мифологические персонажи обретают сверхъестественные черты. Но, как и ранее, они считаются способными вторгаться в профанный мир и обитать в нем. Частицами сверхъестественного в профанном мире являются души и духи. Вера в сверхъестественное и поклонение создают религию.

Л и т е р а т у р а

- Берндт Р.М., Берндт К.Х. Мир первых австралийцев. М., 1981.
де Бросс Ш. О фетишизме. М., 1973.
Вирсаладзе Е.Б. Грузинский охотничий миф и поэзия. М., 1976.
Грачева Г.Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра. Л., 1983.
Евсюков В.В. Мифы о Вселенной. Новосибирск, 1988.
Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
Макконнел У. Мифы мункан. М., 1981.

- Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976.
- Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990.
- Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX - начало XX в.). Л., 1976.
- Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
- Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М., 1976.
- Религиозные представления в первобытном обществе // Тез. докл. конф. 1987 г. М., 1987.
- Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989.
- Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1976.
- Шаревская Б.И. Старые и новые религии Тропической и Южной Африки. М., 1964.

Л е к ц и я 3. МАГИЯ

Приемы, которые выработало человечество для общения с мифологическим пространством, можно разделить на три группы: магические, умиловительные и экстатические. В данной лекции рассмотрим магические приемы.

Первая группа приемов - магические - возникла на стадии аниматизма, когда еще не было религии, культа, и потому не совсем верно отнесение этих приемов к культовой практике. В то же время они сопровождали человечество на всем протяжении истории, включались в культовую практику всех религий. В чем же причина такой живучести магических приемов и что они, собственно, собой представляют?

В научной литературе можно найти материалы длительной дискуссии по поводу того, что такое магия и как она соотносится с религией. Не вдаваясь в детали этой дискуссии (напомним, что историографии мы посвящаем отдельные лекции), упомянем лишь ее основные моменты. Ряд исследователей считали магию вообще не связанной с религией - по разным причинам. Так, У. Робертсон-Смит, Э. Дюркгейм и их последователи полагали, что религия - это явление общественное, а магия - индивидуальное. Дж. Фрэзер также противопоставлял магию религии, но с другой точки зрения: он рассматривал магию как своеобразную попытку научного воздействия на окружающую среду. Но так как человечество в первобытности еще не накопило подлинно научных сведений о закономерностях существования и развития природы, то эта попытка вмешиваться в

природу и влиять на нее была попыткой с негодными средствами (почему впоследствии человечество, по мнению Дж. Фрэзера, и вынуждено было признать существование сверхъестественных существ). С.А. Токарев, напротив, считал, что магическое воздействие - это воздействие, которому придается сверхъестественный характер. Но в то же время он предлагал разделить все магические обряды на две большие категории. В первую он помещал те из них, которые имеют целью непосредственное воздействие человека сверхъестественным образом на тот или иной материальный объект (и эту категорию он предлагал называть собственно магией). Во вторую он помещал такого же типа обряды, но направленные уже не на сам объект, а на духов, обитающих в нем. Эту категорию обрядов С.А. Токарев считал необходимым выделить из магии и назвать термином "экзоркизм" ("экзорцизм") - заклинание духов.

Нам кажется, что ни одну из этих концепций принять нельзя. Мы исходим из следующего. Магия - это метод воздействия иррациональными средствами на окружающую людей действительность с определенными целями, подразумевающий автоматическое достижение целей при правильно произведенном магическом действии. Этот метод может применяться как коллективно, так и индивидуально. Воздействовать им могут как на материальные объекты, на людей, так и на духов и души. Поэтому этот метод возник до религии - наряду с рациональными способами деятельности. Но магия продолжает существовать и применяться в разнообразных религиозных системах до настоящего времени.

Причина такой живучести магии в том, что она применяется в той сфере человеческой деятельности, где велика роль случайности. С ее помощью люди пытались и пытаются бороться со случайностью, подчинять ее своей воле. Как это происходит? Здесь играет большую роль перенос коллективных представлений с одного объекта на другой. Применение определенных действий и словесных формул в какой-то сфере человеческой деятельности могло быть рациональным. Но его переносят на другую сферу, где эти действия могли быть успешными лишь в результате случайного совпадения. Однако здесь вступают в игру черты человеческой психологии: успех запоминается, неудача забывается. В коллективном сознании каждый успешный случайный результат закрепляется, и так коллектив вырабатывает обряды и словесные формулы, с помощью которых стремится добиться автоматически положительных результатов. Если же этого не

происходит, всегда можно объяснить неудачу неверно произведенным обрядом, какими-то помехами и т.п.

Магия - именно практика, а не верования (хотя в литературе нередко можно встретить термин "магические верования"). Магическая практика основывается на уверенности в возможность перенесения действия с одного объекта на другой, с части объекта - на целое, с имени - на обозначаемый этим именем объект. Таким образом, магия основывается на тех особенностях нерасчлененного первобытного мифологического сознания, о которых мы уже говорили.

Как это типично для первобытного сознания, в магическом обряде тесно слиты мысли (намерения), слова и действия. И хотя есть магические обряды, в которых участвуют лишь действия без слов и наоборот, видимо, это лишь результат редукции, сокращения обряда.

Исследователи предлагают несколько схем классификации магических обрядов.

Дж. Фрэйзер делил магию на положительную и отрицательную: на колдовство и табу (само слово "магия" в переводе с греческого означает колдовство). Термин "табу" - полинезийского происхождения, он означает "особо отмеченное", а в науке употребляется как синоним запрета. Деление магии на положительную и отрицательную не исключает более дробной классификации, основанной на других принципах. Тот же Дж. Фрэйзер предложил "технологическую" классификацию магии - по способам действий. Он делил магию на гомеопатическую (подражательную, имитативную) и контагиозную (заразительную). С.А. Токарев значительно расширил эту классификацию и предлагал выделять: 1) контактную; 2) инициальную; 3) парциальную (контагиозную); 4) имитативную (гомеопатическую, симильную) магии.

Контактная магия - такая, при которой колдун (лицо, производящее обряд) непосредственно соприкасается с тем объектом, на который направлено действие. К примеру, он в лечебных целях касается больного места или "высасывает" болезнь из тела больного. В эту категорию входит и ношение амулетов (их носят открыто), талисманов (храняемых втайне от окружающих), принятие внутрь магических снадобий.

Инициальная магия - такая, когда колдун лишь начинает желаемое действие (например, нацеливается в сторону противника), а окончание действия и результат - поражение врага - домысливаются и должны последовать автоматически.

Парциальная магия - такая, когда воздействуют не на сам объект, а на какую-либо его часть, отделенную от него, или на предмет, некогда бывший с объектом в соприкосновении. Так, колдун может производить различные манипуляции с волосами, обрезками ногтей, слюной и пр. того человека, на которого он хочет воздействовать (кстати, страх подобных действий заставляет людей следить, чтобы все подобные частицы не разбрасывались где попало). Колдун может влиять и на одежду, обувь, даже отпечаток ноги и пр.

Имитативная магия воздействует по принципу "подобное вызывает подобное". В этих магических обрядах подражают желаемому результату. Например, при засухе могут лить воду или какую-то иную жидкость, создавать пар, дым - все это должно автоматически вызывать появление дождевых туч. Сюда же входят обряды, направленные на изображение или подобие желаемого объекта - например, на фигурку, изображающую врага.

Е. Кагаров предлагал делить магию на *протрептическую* - с положительной, агрессивной направленностью, когда тем или иным способом стремятся воздействовать на объект, и на *профилактическую*, предохранительную, цель которой, наоборот, не допустить каких-то вредных влияний. Указанные четыре вида магии в таком случае должны быть отнесены к протрептической. К профилактической же магии относят апотропеическую (отгоняющую, отпугивающую) и катартическую (очистительную) обрядность. Апотропеическая магия включает в себя не только отпугивающие вредное влияние обряды, но и обереги - специальные амулеты и талисманы. Все четыре перечисленных вида магии могут применяться и в апотропеических целях. Особого внимания заслуживает катартическая, очистительная магия. Она связана с первобытными представлениями об осквернении и очищении. Остановимся на них подробнее.

Как мы уже знаем, в первобытных коллективных представлениях вырабатываются нормы традиционного поведения, а также своеобразные классификации всей окружающей действительности. В то же время ко всему, что имеет отношение к мифологической, сакральной сфере, относятся двойственно: как к священному и как к опасному. Любое необрядовое соприкосновение с чем-то или кем-то, входящим в сферу сакрального/опасного, рассматривается в архаичном обществе как осквернение. Осквернением считается и нарушение традиционных норм поведения, запретов (табу), выработанных в обществе, а также установленных обрядов. Все эти

случаи осквернения - своего рода первобытные грехи, считается, требуют особого, обрядового очищения. И это очищение достигается магическими средствами.

В качестве магических катартических средств в первобытности (да и впоследствии) в первую очередь используются такие, которые в общем-то действительно обладают очистительными свойствами. В первую очередь, это вода. Однако ритуальное омовение - это не просто смывание физической грязи. Кстати, оно может совершаться довольно грязной водой, лишь бы эта вода считалась обладающей очистительной силой. А может заменяться окроплением, и при этом очищение считается не менее полезным, чем при погружении в воду.

Наряду с водой как катартическое средство рассматривается и огонь. Разнообразны способы проведения или пронесения объекта через огонь (из них вспомним хотя бы прыжки через костер). Очистителями считаются и такие заменители огня, как дым, угли, пепел. Отсюда окуривание объекта, посыпание его углями или пеплом и т.п. Широко известен распространенный на Руси обычай "спрыскивания водой с уголька": этот обряд сочетает две катартические субстанции - воду и огонь. В качестве заменителя огня может выступать и красная охра - по цветовому сходству.

Кроме воды и огня, применяются и другие, более редкие методы очищения. Например, очищение кровью: при этом либо устраивается кровопускание, либо очищаемого мажут, поливают чужой кровью - человеческой или взятой у животного. Поскольку все это продельвается по определенному обряду, то, в отличие от случайного пореза или раны, даже продолжительное кровопускание рассматривается как положительное явление. Заметим, что охра благодаря своему красному цвету может выступать и в качестве заменителя крови.

Еще более оригинальным способом очищения является употребление с этой целью песка и коровьего навоза. Песок может выступать как ритуальный заменитель воды или пепла (огня).

Употребление же в качестве катартической субстанции коровьего навоза связано с существующими, например, у народов Индии воззрениями на корову как на священное животное. И здесь никого не удивит ритуальное очищение какого-то субъекта путем обмазки его навозом. Для коллективных представлений этих народов навоз - чистая субстанция, обладающая очистительными качествами.

В некоторых коллективах считалось необходимым подвергнуть оскверненного "очищению изнутри", т.е. вызвать у него

искусственным путем рвоту. Но для такого внутреннего очищения может быть использовано какое-то снадобье. Оно также может считаться очищающим.

В качестве очищения для оскверненного может применяться и воздержание от пищи (пост), а также такое интересное, имеющее определенное психологическое обоснование средство, как публичное покаяние. Позднее покаяние может превратиться в индивидуальную тайную исповедь, как это произошло в христианстве.

Итак, магия, магические приемы весьма разнообразны. Применяются они в разных целях. С.А. Токарев сгруппировал эти цели в следующие разряды: 1) вредоносные; 2) военные; 3) половые (любовные, эротические); 4) лечебные и предохранительные; 5) промысловые (производственные); 6) метеорологические; 7) прочие, второстепенные. Мы видим, что таким образом магия может применяться в любой сфере человеческой жизни. Однако напомним, что практически она применяется там, где велика роль случая. Поэтому, например, магическими обрядами сопровождается охота и рыбная ловля, но гораздо реже - собирательство.

Надо помнить, что реально тот или иной магический обряд может совмещать в себе и различные цели, и различные "технические приемы", т.е. виды магии.

Пока что мы касались лишь "положительной" (по Дж. Фрэзеру) магии. Остановимся и на "отрицательной" магии - табу. Табу - это запрет на какие-то действия, слова, а также на определенные предметы, объекты, их использование. Понятие табу также тесно связано с сакральной мифологической сферой: необрядовое общение с этой сферой - табу (а нарушение этого табу, как уже говорилось, вызывает осквернение). Табуируется также все то, что выходит за пределы создаваемой в коллективе классификации, т.е. все необычное. Табуируются все инновации (до обрядового включения их в жизнь). Поэтому, например, повсеместно было распространено табуирование первин: первых плодов, нового урожая, приплода стад, первенцев и т.п. На стадии анимизма возникает представление о том, что эти первины посвящены сверхъестественным существам (позже - богам), и потому до свершения определенных обрядов их использование невозможно.

Табу в коллективах могут быть постоянными (тот или иной объект либо действие, слово может вообще запрещаться к употреблению), но могут быть и временными.

Запреты (табу), безусловно, выходят за рамки чисто духовных и тем более религиозных явлений, однако они в первобытности обязательно имели обоснование в мифе и впоследствии были подкреплены возникшими религиозными верованиями. Существовали универсальные, по сути, табу. Такими были экзогамные запреты, а также запрет на убийство сородичей.

Сторонники рационалистических объяснений возникновения табу пытаются отыскать истоки табуации в различных реальных причинах: опасностях, связанных с нарушением санитарии и гигиены, и т.п. Так, например, широко распространенный запрет употреблять в пищу свинину объясняют тем, что это мясо в жарком климате быстро портилось. Однако далеко не у всех народов, обитающих в жарком климате, соблюдался пищевой запрет на свинину. В то же время из Ветхого завета известно, что свинья рассматривалась как животное, нарушающее принцип классификации: у всех животных с раздвоенными копытами должна наблюдаться привычка жевать жвачку. И этого вполне могло быть достаточно для табуирования свиньи: она жвачку не жует. Бывают, конечно, совпадения реальных и ирреальных причин табуации, но отнюдь не всегда. По сути дела, здесь опять идет речь о том, что какие-то явления считаются связанными с мифологическим миром. Они могут представлять и реальную опасность для людей, но очень часто никакой реальной опасности не представляют, а тем не менее коллективные представления их относят к сакральным/опасным. Источником опасности с возникновением анимизма считаются и все сверхъестественные существа и явления - духи, души, мана.

Рассмотренные выше примеры классификации магических обрядов могут использоваться в совокупности, они дополняют друг друга, а не исключают.

По-видимому, прав С.А. Токарев, предупреждавший, что надо отличать от магических обрядов чисто символические действия (например, символическое соединение рук при заключении брака, имитацию рождения при обряде усыновления и т.п.), а также гадания (мантику).

Л и т е р а т у р а

- Кагаров Е.Г. К вопросу о классификации народных обрядов
// Докл. Академии наук. 1928. N 11.
Крывелев И.А. История религий. М., 1975. Т. 1.
Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990.
Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983.
Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1986.

Л е к ц и я 4. УМИЛОСТИВИТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Когда в обществе сложились анимистические представления, к старым магическим средствам воздействия на окружающую среду добавляется новая методика. Это - умилоствительные действия в широком смысле слова, ибо сюда входят и обряды, и словесные формулы. Безусловно, зачатки названных действий могли возникнуть и до анимизма. По отношению к каким-то реальным объектам, которые вызывали чувство повышенной опасности, могли применяться не только попытки магического воздействия, но и старание их задобрить. По-видимому, такого рода практика могла применяться, например, по отношению к хищным животным, особенно к самым крупным хищникам: для северного полушария - к медведю, южнее - к тигру. Но все же в широкое употребление умилоствительные действия могли войти лишь тогда, когда четко сформулировалось представление о сверхъестественных существах и силах, не подчиняющихся воле человека и далеко превосходящих его могуществом.

Иногда предтечей, зачатком умилоствительных действий считается погребальный обряд и особенно погребальный инвентарь - те вещи, которые сопровождают покойника в могилу, - рассматривается как первичная форма жертвоприношения. Однако нам кажется, что погребальный инвентарь не имел первоначально цели добиться от покойника расположения к оставшимся в живых. Это могло быть лишь вторичной, сопутствующей целью. Основным же, первичным назначением погребального инвентаря было стремление снабдить переходящего в мифологическое пространство сородича всем необходимым, по крайней мере, на время перехода. Впоследствии, действительно, погребальный инвентарь и сам погребальный обряд может приобрести умилоствительное значение, но это связано с

возникновением культа предков и культа умерших вождей. Именно эту категорию покойников не только снабжают всем необходимым для существования на том свете, но и стараются задобрить.

Одним из наиболее распространенных видов умиловительных обрядов являются жертвоприношения. Психологически совершенно понятна попытка привлечь на свою сторону обитателей мифологического пространства с помощью всех тех материальных благ, которые необходимы и людям. Точно так же понятно и стремление отдать сверхъестественным помощникам часть тех продуктов, которые считаются попавшими в людские руки именно благодаря усилиям этих помощников. Это особенно понятно в связи с духом коллективизма, пронизывавшим первобытность. Жертвы могли быть и благодарственными, и предварительными, так сказать, упреждающими последствия. Основное отличие от чисто магического ритуала здесь в том, что жертвоприношение оставляет свободу воли за тем существом, которому оно принесено. Жертвователь не ждет неопределенного результата от того, кому он приносит жертву. Все зависит от доброй воли этого существа.

В то же время не вызывает сомнений то, что у истоков жертвоприношений и молитв находятся магические обряды и магические формулы - заклинания. Связь между этими двумя формами культовой практики хорошо прослеживается религиоведами. Даже в некоторых развитых религиозных системах наблюдается значительная примесь магического автоматизма внутри умиловительных обрядов. Так, древние римляне, как и древние индийцы, судя по сохранившимся текстам их молитв, могли считать ответную положительную реакцию божества почти что обязательной (разумеется, в случае, если обряд проведен правильно). Характерно обращение к богу древнего индийца: "Вот масло, где же твои дары?". Считалось особенно важным правильно назвать имя божества во время молитвы. Отсюда такие молитвенные формулы, как, например, употреблявшаяся в Древнем Риме: "Юпитер или другое угодное тебе имя".

Жертвоприношение - это в первую очередь кормление сверхъестественных существ. Недаром русские слова "жратва", "жертва" и "жрец" одного корня. Чтобы переправить эту пищу в мифологическое пространство, люди пользуются услугами уже известных нам посредников-медиаторов. Это может быть и вода, и огонь: жертвы топят или сжигают. Могут отправлять жертвы в иной мир, закапывая их в землю. Кстати, выяснено, что некоторые клады

предназначались не для того, чтобы ими потом воспользовались люди, а зарывались в землю в качестве жертвоприношения божеству. В жертву можно приносить, конечно, не только пищу, но и все то, что считается необходимым или, по крайней мере, желательным для обитателей мифологического пространства: одежду, украшения, оружие, а позже и деньги.

Но если вернуться к вопросу о жертвенной пище, то нужно отметить, что в человеческом обществе обычно наиболее предпочтительной, престижной, праздничной пищей считалась мясная. Поэтому мясная, кровавая жертва также становилась самым лучшим видом жертвы. И кровавые жертвы, в исключительных случаях массовые (гекатомбы), сопровождают историю человечества в течение длительного периода.

Так как жертвы переправляются "на тот свет", к обитателям мифологического пространства, то они могут предварительно ломаться или повреждаться. Это связано все с той же идеей перевернутости мифологического мира по сравнению с нашим. Все, что здесь цело, там - поломано, и наоборот.

С течением времени в практике жертвоприношений возникают некоторые изменения. Первое из них - принесение в жертву не того, что употребляется людьми, а архаичного, устаревшего. Это касается, например, пищи. Но не только той, что непосредственно уничтожается (сжигается и т.п.) в качестве жертвы, а и той, что употребляется на праздниках в виде обрядовой пищи самими участниками церемонии. Ведь, как мы упоминали, участники праздников сами символизируют обитателей мифологического пространства, и пища, которую они поедают на обрядовых трапезах, - это тоже жертва. Отсюда закрепление в качестве жертвенной и обрядовой таких видов пищи, которые являются для данного коллектива наиболее архаичными. В качестве примера можно привести некоторые виды внутренностей животных. Они могут уже не употребляться в быту, но в качестве жертвы считаться вполне приемлемыми и даже предпочтительными. В Древней Греции возник миф о том, как Прометей обманул богов, воспользовавшись их жадностью, и вынудил их предпочесть малосъедобные части туши животного более съедобным, но меньшего объема частям. Это пример вторичного, позднего объяснения того удивлявшего уже достаточно цивилизованных греков факта, что богам отдают малосъедобные кости и потроха.

С тем же пристрастием к употреблению в качестве обрядовой архаичных форм пищи связано, например, использование на Руси блинов. Блины - это самая архаичная форма печеного теста. Их круглая форма объясняется физическими законами: жидкое тесто на раскаленной плоскости обязательно принимает округлую форму. И это вовсе не связано с культом солнца, со стремлением сознательно подражать солнечному диску, как это нередко объясняют. Попытка связать употребление блинов с солнечным культом - это опять-таки поздняя, вторичная идея. Использование же блинов в разнообразной праздничной обрядности вызвано именно их глубочайшей архаичностью.

Не только архаичные виды пищи, но и разнообразные приносимые в жертву вещи часто начинают отличаться от применяемых в быту. Может долго сохраняться в древних обществах запрет на использование в жертвах и обрядах каких-то новых материалов. Так, у древних евреев существовал запрет применять железные орудия труда при тесании тех камней, из которых делался жертвенник. При обряде обрезания длительное время продолжали использовать лишь каменные ножи, хотя металл уже давно вошел во всеобщее употребление в быту. Точно так же могли при обрядах пользоваться, например, лепной, а не круговой посудой, в то время как круговая керамика уже имела широкое распространение. Предметы, которые приносят в жертву, могут отличаться и по форме, и по орнаменту (и в этих случаях они чаще всего будут более консервативны) от обыденных. А бывает, что в жертву приносятся или посвящаются сверхъестественным существам предметы иных размеров, чем обычные. В зависимости от того, какими люди себе представляют этих существ, посвященные (вотивные) предметы могут быть либо огромными, либо миниатюрными.

Дальнейшая трансформация жертвоприношения идет по линии замены предмета его частью. Например, вместо целого сосуда могут принести в жертву его черепок, вместо целого животного - часть туши. Археологам хорошо известна замена, например, коня его шкурой с головой и ногами. Может использоваться в качестве жертвы изображение реального объекта или его символ, при этом исследователям зачастую очень трудно догадаться, что же он собой замещал.

Еще позднее жертва начинает спиритуализироваться: возникает представление, что она усваивается сверхъестественным существом в нематериальной (или почти нематериальной) форме: нечто вроде пара

или запаха от приносимого в жертву полностью заменяет реальное жертвоприношение. А собственно материальная часть жертвы может использоваться во время обрядовой трапезы либо служителями культа, либо всей общиной. И это, повторяю, ведь также рассматривается как разновидность отдачи жертвы божеству.

Часто в жертву определенному богу приносили тот вид животного, с которым данный бог был тесно связан. Это может отражать процесс постепенной антропоморфизации внешнего облика когда-то зооморфного божества. Если бог в прошлом имел козлиный облик, то, даже почитая его уже в антропоморфном виде, ему по преимуществу приносят в жертву коз. Но могла возникнуть и идея о том, что жертвовать надо такие предметы, которых у данного сверхъестественного существа нет. Например, лесному духу не стоит приносить в жертву диких животных, а вот что-то из даров моря или из предметов, созданных человеком, может ему понравиться.

Упомянув о консервативности, которая присуща обряду жертвоприношения, надо отметить и, казалось бы, противоположную черту. Мы уже знаем, что все новое, впервые появляющееся вызывает у людей опасения. Чтобы снять этот страх, ввести новые явления в обыденную жизнь, применяются специальные обряды. И важную роль в них играет жертвоприношение, в качестве которого новшество вначале посвящается сверхъестественным силам. Это вызывает к жизни многочисленные обряды, в ходе которых происходит жертвование первин, нового урожая, первого приплода стад и т.п. Лишь после таких жертв с первин снимается табуация.

Одним из видов жертвоприношений были человеческие. Их существование, по-видимому, первоначально связано с ритуальным каннибализмом, который приписывался и божествам, сверхъестественным существам. А сам по себе каннибализм скорее всего имел магический характер и был направлен на то, чтобы завладеть какими-то свойствами поедаемого человека. Позднее обычай каннибализма исчезает, а обряд человеческого жертвоприношения мог сохраниться. Ритуально умерщвляли, как правило, пленников, гораздо реже - сородичей. Цели при этом ставились различные. Жертва могла быть отправлена в мифологическое пространство с тем, чтобы подробно рассказать о состоянии дел в человеческом коллективе и добиться от сверхъестественных существ помощи. В данном случае жертва выступает в качестве медиатора. Но нередко жертва может предназначаться в сексуальные партнеры сверхъестественному существу. С развитием социального расслоения в человеческом

обществе возникает тенденция снабдить сверхъестественное существо прислужниками, помощниками и т.п. (это характерно для многих раннегосударственных образований).

По-видимому, человеческие жертвоприношения далеко не везде были распространенным и обычным явлением. Чаще к нему прибегали в экстраординарных случаях, перед лицом какой-то значительной опасности, будь то стихийное бедствие, голод, эпидемия или военное поражение. В таких и аналогичных случаях общество было вынуждено принять экстренные меры. Кстати, когда возник культ вождей, то смерть вождя также могла повлечь за собой человеческие жертвоприношения (при этом, видимо, нередко добровольные, из числа его приближенных). Общее бедствие могло привести к принесению в жертву каких-то весьма почитаемых в обществе лиц (вождей, их детей и т.п.)

Однако нам кажется неправдоподобным высказывавшееся в литературе предположение о регулярном ритуальном умерщвлении стариков.

Человеческие жертвоприношения также с течением времени трансформировались. Вместо реальных людей в жертву начинают приносить их изображения. Примеров этого явления довольно много. Пожалуй, наиболее яркий - знаменитое "глиняное войско", сопровождавшее захоронение китайского императора Цинь Ши Хуанди. Помимо этого, человека при жертвоприношении могут замещать животным (библейский мотив "жертвенного агнца" как компенсации за людей).

Может возникнуть и такая форма замены человеческого жертвоприношения, как ритуальное принесение в жертву одной из душ. Эта замена выглядит не столь уж безобидной: ведь обычно предполагается, что реальная жертва, потеряв одну из душ, заболеет и даже через какое-то непродолжительное время умрет. Так что гибель жертвы как бы просто откладывается на какой-то срок. Примером такой замены может служить "замуровывание" души-тени кого-нибудь из прохожих в кладку стены в качестве строительной жертвы.

Изменяется и обряд снабжения сверхъестественного существа сексуальным партнером. Вместо отправления этого партнера в мифологическое пространство возникает обряд "священного брака". При этом намеченный кандидат в такие партнеры остается в живых, но считается мистически соединившимся со своим сверхъестественным партнером и владыкой в каком-либо святилище. Он может оставаться

до конца жизни или на какой-то срок табуированным. Ему может быть предписано либо крайнее целомудрие (доходящее для мужчин иногда до самооскопления), либо, наоборот, крайняя сексуальная свобода поведения (вплоть до храмовой проституции). Многочисленные примеры различных вариантов священного брака можно почерпнуть в религиях древнего Востока и античности. Поздний вариант подобных представлений - христианские монахини (известно их наименование "Христовы невесты").

С течением времени роль жертвоприношений и других умиловительных действий в обществе занимает все большее место. Многие обряды в той или иной форме включают в себя жертвоприношения. В жертву приносят первины, жертвами сопровождают все обряды перехода, жертвоприношения сопутствуют началу и концу разнообразных аграрных работ, особенно посева и жатвы. Да и само зарывание зерна в землю во время посева, как и обычная смерть человека, могут рассматриваться в качестве своеобразных жертвоприношений. Погребальные игры на могиле, при которых проводятся ритуальные состязания, заканчивающиеся нередко гибелью участников, - это тоже жертвы. Отсюда - гладиаторские игры Древнего Рима. Вообще спортивные игры первоначально имели, безусловно, ритуальный характер и могли представляться как действия, угодные сверхъестественным силам.

Столь же угодными сверхъестественным силам, а следовательно, умиловительными могли считаться и определенные формы поведенная участников обрядов. Так, пение и танцы, сопровождающие праздники, впоследствии осмысливаются как угодные божествам. И позднее возникают специальные храмовые песнопения и храмовые танцы. Вы, безусловно, знаете, насколько широко используются музыка и особенно пение в христианских богослужениях. Ярким примером использования танца для умиловления богов является существование храмовых танцовщиц ("девадаси") при индуистских святилищах.

Умиловительную цель могут приобретать и иные виды человеческой деятельности. Любопытно, что у некоторых народов, в основном занимавшихся охотой, зафиксирован следующий обычай: группа охотников, отправляясь на промысел, берет с собой искусного сказочника. Он не обязан принимать участие в охоте. Его роль состоит в том, что по вечерам он рассказывает сказки - по преимуществу сказки о животных, которые ярко иллюстрируют их повадки и характер. За это сказочник получает равную с охотниками

долю добычи. Рассказывание сказок в данном случае вовсе не способ развлечь охотников: считается, что сказки слушают не только охотники, но и дух-покровитель леса, от которого зависит удача на промысле. Если ему сказки нравятся, охота становится более успешной. Есть предположение, что сказки о животных во многом обязаны своим возникновением именно такому обычаю.

Как мы видим, человечество выработало довольно разнообразные формы умиловительных действий. Выполнять их могли и рядовые члены коллектива, и постепенно выделяющиеся из их среды специалисты - жрецы. С течением времени наиболее важные умиловительные обряды начинают сосредоточиваться в руках именно жрецов. Но последние могли практиковать и магические обряды - в таких случаях в одном лице как бы совмещались два вида специалистов по общению с мифологическим пространством: колдун и жрец.

Л и т е р а т у р а

Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978.

Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983.

Соколова З.П. Культ животных в религиях. М., 1972.

Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990.

Трояков П.А. Промысловая и магическая функции сказывания // Советская этнография. 1969. N 2.

Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978.

Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.

Л е к ц и я 5. ЭКСТАТИЧЕСКИЙ СПОСОБ ОБЩЕНИЯ С МИФОЛОГИЧЕСКИМ МИРОМ

Рассмотренные нами магические и умиловительные приемы и обряды исполняются в обычном психическом состоянии. Но наряду с ними в человеческом обществе вырабатывается третий способ общения с мифологическим миром. Это способ, при котором добывающийся

контакта тем или иным путем доводит себя до повышенно-возбужденного, экстатического состояния.

Известно, что люди различаются по своему темпераменту и по степени психической уравновешенности. Одни из них более уравновешенны, спокойны, другие - быстро возбудимы. Нужно учитывать, что в первобытности люди, видимо, чаще находились под воздействием стрессовых ситуаций, чем в настоящее время (сколько бы мы ни льстили себе, уверяя, что современные обстоятельства - наиболее тяжелые). Слишком много приходилось опасаться. Слишком всеобъемлющим было окружающее человека мифологическое пространство. Да и уровень развития производства нередко приводил к голоду и другим бедствиям, что не могло не воздействовать на психику людей. Поэтому можно предположить, что число нервно-возбудимых, склонных к галлюцинациям людей было несколько большим, чем ныне. Впрочем, даже если среднее количество таких индивидуумов всегда было примерно одинаковым, то доли нервных, предрасположенных к экстазу людей хватало, чтобы в обществе сложилось мнение об их исключительных способностях. Способности эти были связаны с функцией посредников-медиаторов между профанным и сакральным пространствами. Во время нервного припадка человек считался непосредственно проникающим в мифологическое пространство.

Экстатический способ общения с мифологическим миром мы называем шаманизмом. Тунгусское слово "саман", "шаман" (от корня "са" - "знать", "знающий" человек) вошло в научный обиход потому, что впервые внимание исследователей данного общения привлекли сибирские шаманы. Те сеансы, представления, которые устраивали шаманы, впадая в транс, получили наименование "камлание" (от тюркского обозначения шамана - "кам"). Таким образом, "шаманить" и "камлать" - синонимы.

Отношение исследователей к шаманизму менялось. Когда европейцы впервые познакомились с шаманами, их смешивали с колдунами. На специфику шаманского общения со сверхъестественными существами обратили внимание во второй половине XIX - начале XX века (Н. Харузин, В. Богороз). Когда стало ясно, что сходные явления встречаются не только в Сибири, но и в других местах земного шара, распространилась идея о том, что шаманизм - особая стадия в развитии религии (данной идее придерживались Дж. Леббок, Д.К. Зеленин, Л.Я. Штернберг). При

этом все они считали шаманизм не просто обрядовой практикой, а особой формой религиозных верований.

Лишь в середине нашего века исследователи обратили внимание на то, что шаманизм, по сути, имеет в качестве мировоззренческой основы анимистические верования, что он использует выработанную в обществе модель мира, участвует в ее конкретизации. Однако, в сущности, собственно специфически шаманских верований не существует. И вслед за этим получила признание точка зрения, которая, видимо, наиболее близка к истине: шаманизм - это вид культовой практики, основанный на различных теоретических предпосылках, выработанных вне его (хотя шаманы, несомненно, внесли свой вклад в разработку этих идей, ведь они были профессионалами по связи с мифическим миром, а значит, и заинтересованы в его "освоении"). Таким образом, шаманизм - это вид культовой практики, а не этап в развитии религии и не особая форма религиозных воззрений.

Шаманизм - это синоним экстатического общения с мифологическим миром. Но что же собой представляют шаманы, кто они?

Долгое время была популярна точка зрения, что шаманы - ненормальные, психически больные люди, и это их болезненное состояние используется обществом в своих целях. К ненормальным людям общество обычно относится так же, как к посредникам, связывающим их со сверхъестественным миром, но далеко не пряма и не проста связь между шаманами и нервными заболеваниями. Казалось бы, идею о психической ненормальности шаманов подтверждает то, что нередко занятие шаманством передается по наследству. Известно ведь, что и некоторые психические заболевания являются наследственными.

Действительно, поведение шамана во время камлания может напоминать нервный припадок. В частности, камлание может завершаться состоянием, очень сходным с припадком эпилепсии. Однако более пристальное изучение этнографами шаманизма в разных концах земного шара (особенно материалы, полученные у аборигенов Америки) показало, что, по-видимому, следует пересмотреть эту "патологическую" концепцию его возникновения. Оказалось, что в жизни шаманы нередко являются физически и психически крепкими, отнюдь не нервными людьми. Они могут совмещать функции шамана и вождя, что также вряд ли возможно для душевнобольных. Зато выяснилось, что в большинстве случаев, прежде чем начать

"шаманить", будущий шаман должен пройти суровый тренинг, как бы школу шаманского искусства. Этот тренинг, по сути дела, усиленный вариант обряда инициации (обряд, связанного с переходом из одной возрастной категории в другую). Кстати, шаманское призвание нередко начинает ощущаться примерно в возрасте подростка, с которым и связаны инициации во взрослое состояние. Шаманское обучение подразумевает ряд весьма серьезных физических испытаний, голодовок, лишения сна, умения выдерживать боль. Но при этом сюда добавляется и обучение способам достижения экстатического состояния в нужный момент и способам выхода из такого состояния.

Таким образом, прошедший посвящение в шаманы может довести себя до состояния экстаза при необходимости в любое время и, что особенно важно, может выйти из него. При этом шаман широко практикует методы внушения и самовнушения, гипноза. Использует он для этого и игру на музыкальных инструментах (в основном - ударных, реже - струнных). Употребляет шаман и наркотические снадобья.

Наиболее универсальный шаманский музыкальный инструмент - это бубен с колотушкой. Мы теперь знаем, что музыкальный ритм сильно воздействует на человеческую психику, нередко доводя людей до состояния транса. Подобные явления можно наблюдать на рок-концертах, что не удивительно, так как современная музыка широко использует различные первобытные ритмы. Такое же гипнотическое воздействие может оказывать и игра на струнном инструменте. Что касается наркотических средств, то шаманы используют листья некоторых наркотических растений (типа коки в Америке) для жевания, а также для курения (конопля в Азии, табак - вначале в Америке, а потом в Сибири). С той же целью употребляются определенные виды грибов-галлюциногенов. В Сибири, кстати, шаманы применяли порошок сушеного мухомора. Наконец, под влиянием европейской цивилизации у многих народов шаманы стали применять алкоголь как средство, доводящее до экстаза. Есть данные о том, что шаман во время камлания мог поглощать его в огромном количестве. При этом шаман совершенно уверен, что ко всем этим средствам он прибегает не для того, чтобы обмануть присутствующих зрителей, а для достижения "того мира" и общения с его обитателями.

Л.Я. Штернберг обратил внимание на то, что у шамана есть представление о существовании сверхъестественного сексуального партнера. Шаман, таким образом, и получает свой дар экстатического общения с мифологическим миром лишь потому, что его избрал тот

или иной дух в качестве супруга. Этот дух может считаться существом либо мужского, либо женского пола. Кстати, здесь возможны и представления о гомосексуальных связях, и явление трансвестизма - перемены одежды шамана на одежду противоположного пола. Правда, подобное переодевание может быть связано и с перевернутостью мифологического пространства, к которому шаман имеет отношение как маргинальное существо.

Шаманами могли быть и мужчины, и женщины. Есть предположение, что женское шаманство является более древним; однако не исключено, что и то и другое развивалось параллельно.

Достижение экстаза нужно шаману для того, чтобы совершить путешествие в мифологическое пространство. У М. Элиаде есть интересные наблюдения над тем, что экстаз уподобляется обретению некоего горячего, раскаленного состояния. Чтобы доказать себе и окружающим, что это состояние уже достигнуто, шаман может прикасаться к раскаленному добела железу, даже лизать его, глотать раскаленные угли и т.п. В мифологическое пространство шаман отправляется с помощью духов-помощников, которых ему предоставляет его дух-покровитель. При этом отдельные детали костюма и атрибутов шамана символизируют этих духов-помощников: обычно костюм украшен подвесками антропоморфного и зооморфного облика. Кстати, в костюме шамана много металлических деталей, и нередко костюм напоминает воинские доспехи. Скорее всего, это вызвано тем, что в мифологическом пространстве шаман должен сражаться с враждебными, злыми духами. Металл в данном случае предохраняет не только от реальных, но и от сверхъестественных врагов. Это не считается противоречащим тому, что путешествует в мифологическом пространстве не тело, а душа или души шамана. Заметим, что шаман обычно считается обладателем большего числа душ, чем обычный человек. В отличие от обычных людей шаман во время экстатического состояния заставлял свою душу или души покинуть тело, достичь потустороннего пространства, выполнить поставленные заранее задачи, а затем вернуться в оставленное тело.

Огромную роль в данном путешествии играют бубен и колотушка. Это не только музыкальный инструмент. Бубен обычно рассматривается как символическая замена транспортного средства (коня, птицы), с помощью которого шаман посещает иной мир. Поскольку шаман должен хорошо знать "географию" потустороннего мира, то на бубне может быть помещен своеобразный схематический

чертеж модели мира. И безусловно, в детальную разработку этой модели шаманы внесли значительную лепту.

Все исследователи отмечают, что шаман, как правило, занимается камланием по настоятельному требованию коллектива, для удовлетворения общественных потребностей. Какие же задачи ставятся перед шаманом? Они в первую очередь связаны с теми событиями в жизни общества, которые требуют незамедлительных контактов с мифическим миром. Такими событиями могут быть: болезнь и потребность в излечении; проводы души или душ покойника на тот свет; решение проблемы поиска удачных мест промысла; поиски пропавших вещей и т.д. Следовательно, шаман может быть привлечен для решения практически любого сложного вопроса.

Хорошо известно, что шаман может быть совершенно не заинтересован в проведении сеанса камлания - тем более, что эти сеансы сопряжены для него с огромными физическими и психическими издержками. Они буквально обессиливают его. Но коллектив настаивает, и шаман ему подчиняется.

Любопытно, что у некоторых народов (например чукчей) встречается явление так называемого поголовного шаманства. Любой член общества (но чаще - глава семьи или кто-то из авторитетных ее членов) в случае необходимости берет бубен и камляет. Конечно, такой сеанс камлания является упрощенным по сравнению с камланием шамана-профессионала. "Поголовное шаманство" обычно рассматривают как пережиток более древней эпохи, предшествовавшей шаманской специализации. Но, кстати, с таким же успехом можно было бы считать его свидетельством деградации былой шаманской техники.

Поздней стадией шаманской практики стало деление на "белых" и "черных" шаманов с соответствующей специализацией на добрые и злые цели. Это явление также встречается у некоторых народов Сибири. Элементы шаманизма обнаруживаются и в развитых религиозных системах. Безусловно, к шаманизму восходит институт пророков у древних евреев. В состоянии экстаза, одурманивая себя то употреблением листьев слабонаркотических растений, то вдыханием какого-то дыма, изрекали свои бессвязные пророчества знаменитые пифии Древней Греции. Во многих случаях с шаманскими сеансами сходно поведение юродивых на Руси. Доводили себя до экстаза на коллективных молениях некоторые из известных в России сект (например хлысты). Впадали в экстаз, исполняя бешеные пляски, некоторые члены дервишеских сект мусульманского Востока. Думаю,

что можно найти еще немало примеров использования метода экстатического общения как способа установления личной, мистической связи со сверхъестественным миром. Л.Я. Штернберг весьма проникательно упоминает о том, что элементы шаманского поведения можно проследить в жизнеописании знаменитой Жанны д'Арк (постоянное ношение мужского костюма, голоса святых, которые ей слышались и пр.).

Таким образом, мы видим, что все три метода культовой практики, выработанные в далекой первобытности, благополучно просуществовали на всем протяжении истории человечества, обслуживая различные религиозные системы. В этом сказалась одна из специфических черт всех связанных с религией и, шире, с идеологией явлений: их необычайная живучесть и приспособляемость к новым условиям.

Л и т е р а т у р а

- Басилов В.Н. Избранники духов. М., 1984.
Зеленин Д.К. Идеология сибирского шаманства. М.; Л., 1936.
Из истории шаманства. Томск, 1976.
Новик Е.С. Обряды и фольклор в сибирском шаманизме. М., 1984.
Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л., 1981.
Ревуненкова Е.В. Шаман и жрец у батаков Суматры // Мифология и верования народов Восточной и Южной Азии. М., 1973.
Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990.
Харузин Н. Шаманство // Этнография. 1905. Вып. 4.
Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.
Элиаде М. Космос и история. М., 1987.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Лекция 1. Первобытное мировоззрение: восприятие пространства и времени. Роль праздников в первобытном обществе	3
Лекция 2. Мифология и религия. Анимизм. Представления о душах и духах. Виды мифов. Миф, сказка и эпос	21
Лекция 3. Магия	34
Лекция 4. Умилостивительные действия	41
Лекция 5. Экстатический способ общения с мифологическим миром	48

С т а н к е в и ч Ирина Леонидовна

**ПЕРВОБЫТНОЕ МИФОЛОГИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ
И КУЛЬТОВАЯ ПРАКТИКА**

**Редактор В. Н. Чулкова
Корректор Л. И. Колесова**

**Подписано в печать 12.12.94. Формат 60х84/16.
Бумага газетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,26.
Уч.-изд. л. 3,5. Тираж 150 экз. Заказ . "С" 24.**

**Ярославский государственный университет.
150000 Ярославль, ул. Советская, 14.**

**Ярославский государственный технический университет -
НПЦ "Политехник".
150023 Ярославль, Московский проспект, 88.**